РѢЧЬ

ОБЪ ОТНОШЕНІИ МЕЖДУ ОБЩИМЪ И ЧАСТНЫМЪ ВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ И ЗАКОНОВѢДѢНІИ,

читанная

въ торжественномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра,

15 Іюля 1836 года,

Ординарнымъ Профессоромъ, Докторомъ Законовѣдѣнія Орнатскимъ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1840.

По опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета Св. Владиміра печатать позволяется. Кіевъ, 13 Мая, 1840 года.

Ректоръ Университета *К. Неволинъ.*

Батюшку Михайлу Иванычу
Крылову,
Высокостепенному и вельможному
Господину,
Превеликому моему милостивцу,
Сіе стольконже усердное, сколько и почтительное, приношеніе
со умиленіемъ приноситъ
[illegible]

РѢЧЬ

Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи.

Въ неизмѣримомъ государствѣ Россійскомъ подъ кроткою, но вмѣстѣ твердою и могучею Державою единаго Августѣйшаго Самодержца, соединяются и благоденствуютъ безчисленные народы, различные между собою и по вѣрѣ, и по языку, и по нравамъ и обычаямъ, и по частнымъ, законамъ, которыми каждый изъ нихъ управляется въ своихъ гражданскихъ дѣйствіяхъ, подчиняясь въ то же время однимъ законамъ государственнымъ. Если обратимъ особенное вниманіе на это многоразличіе частныхъ законовъ, и хотя бѣглымъ взглядомъ пробѣжимъ по разнымъ частямъ государства Россійскаго: какая разнообразная картина представится нашимъ взорамъ!

И законъ, данный нѣкогда рукою Моисея прежде избранному, нынѣ отверженному Богомъ народу, но давно уже упраздненный дѣйствіемъ пришедшей Благодати, и сверхъ того обезображенный толкованіями и вымыслами лжеучителей; и законъ лжепророка,—грубое смѣшеніе правилъ, заимствованныхъ частію изъ обычаевъ, частію изъ другихъ лучшихъ законодательствъ, первоначально приспособленное къ желаніямъ пылкаго въ своей чувственности, необузданнаго въ страстяхъ, дикаго пустыннаго народа,—вмѣстѣ съ правилами, образовавшимися въ послѣдствіи въ его духѣ, и утвержденными обычаемъ и преданіемъ;—и прославленное право Римское, твердое въ своихъ основныхъ началахъ, обширное въ подробностяхъ, постепеннымъ образованіемъ въ теченіе многихъ вѣковъ возвышенное отъ первоначальныхъ грубыхъ положеній, относившихся къ мѣстности и особенному характеру незначительнаго тогда народа, до чистыхъ понятій здраваго разума или общаго смысла, съ строгимъ логическимъ ихъ приложеніемъ къ частнымъ случаямъ гражданской жизни, и наконецъ утонченное ученымъ обработываніемъ временъ позднѣйшихъ,—Римское право въ своемъ лучшемъ, чистомъ видѣ и полномъ объемѣ; и обломки этого величественнаго зданія, болѣе или менѣе скудные, частію сохранившіе первоначальный свой образъ, частію едва примѣтные въ системахъ другихъ законодательствъ, въ которыхъ они приняли видъ со-

отвѣтственный особенному, самостоятельному ихъ духу и началамъ;—и законы несвѣтлыхъ, неспокойныхъ вѣковъ среднихъ, имѣвшіе предметомъ и цѣлію не столько высшее, общее государственное благо, сколько обезпеченіе правъ особенныхъ и частныхъ (вольностей) противъ преобладавшаго тогда права сильнаго,—ограничивавшее кругъ своего дѣйствія не цѣлымъ государствомъ, но малыми сословіями лицъ и обществами,—какою-нибудь незначительною областію, однимъ городомъ, иногда селомъ или деревнею;—и многоразличные обычаи семейственные, родовые, народные, заступающіе мѣсто законовъ тамъ, гдѣ гражданскія общества находятся еще на нижшихъ степеняхъ образованія;—и законы Царей иноземныхъ, данные народамъ, прежде состоявшимъ подъ ихъ властію, нынѣ обрѣтшимъ свое счастіе у престола Самодержавнаго Обладателя полусвѣта (собственные законы Грузинскіе, Польскіе, Шведскіе): всѣ эти разнородные законы имѣютъ силу и дѣйствіе въ той или другой части обширнаго государства Россійскаго, для лицъ того или другаго сословія, въ томъ или другомъ кругѣ гражданскихъ дѣйствій, въ предѣлахъ болѣе или менѣе тѣсныхъ. И среди этого дивнаго разнообразія законовъ особенныхъ, дѣйствующихъ отдѣльно и ограниченно, возвышается подъ сѣнію древняго Православія, огромное зданіе общаго, отечественнаго, собственно Россійскаго Законодательства, которое, имѣя основаніемъ своимъ

коренной бытъ древняго народа Славяно-Русскаго, частію развивалось мало по малу въ народныхъ обычаяхъ или въ частныхъ постановленіяхъ законодательной власти, неуклонно слѣдуя за развитіемъ народной жизни, частію же проявлялось въ общихъ, цѣлую совокупность законоположенія объемлющихъ произведеніяхъ мудрой законодательной дѣятельности Государей Россійскихъ, и наконецъ, по непремѣнной, мудрой волѣ Августѣйшаго Монарха, большею частію уже явилось, а частію имѣетъ неукоснительно явиться въ полномъ своемъ объемѣ, въ изложеніи точномъ и систематическомъ, — къ неисчислимой пользѣ, облегченію и усовершенствованію какъ изученія законовъ, такъ и практическаго приложенія ихъ къ жизни государственной и гражданской. — При взглядѣ на такое разнообразіе законовъ особенныхъ и частныхъ съ одной стороны, и на законодательство общее съ другой, человѣку мыслящему трудно удержаться отъ вопроса: въ какомъ отношеніи должны находиться законы перваго къ законамъ втораго рода? Для законовѣдца-практика, котораго дѣятельность заключается собственно въ приложеніи законовъ къ даннымъ случаямъ, этотъ вопросъ рѣшенъ или разрѣшается положительными правилами, опредѣляющими кругъ дѣйствія того или другаго закона въ каждомъ изъ сихъ случаевъ. Но для законовѣдца-теоретика, который не ограничивается изученіемъ буквальнаго смысла закона, а старается, постигнувъ причины и

самый способъ образованія того или другаго закона и уразумѣвъ духъ его, опредѣлить истинное его направленіе вообще и во всякомъ данномъ случаѣ, тѣ же самыя соображенія необходимы и при взглядѣ на отношеніе между законами частными и законодательствомъ общимъ. При подробномъ изслѣдованіи сего предмета требовалось бы пройти всю исторію тѣхъ законодательствъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и сверхъ того сдѣлать очеркъ главнѣйшихъ положеній каждаго изъ нихъ, чтобъ изъ всего этого вывесть опредѣленныя, положительныя заключенія: такое изслѣдованіе составило бы трудъ долговременный, и его изложеніе послужило бы предметомъ обширнаго сочиненія. Я намѣренъ предложить теперь только главнѣйшія основныя начала, опредѣляющія отношеніе между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи,—имѣя притомъ въ виду особенно законы гражданскіе, такъ какъ въ ихъ-то области преимущественно, чтобъ не сказать исключительно, усматривается разнообразіе законоположеній особенныхъ въ противоположности съ законами общими.

Вообразимъ себѣ человѣка въ томъ видѣ, въ какомъ онъ, по свидѣтельству Божественнаго откровенія, бывъ воззванъ волею Всемогущаго, Премудраго и Преблагаго Создателя изъ небытія въ бытіе, первоначально поставленъ въ семъ мірѣ, какъ вѣнецъ всего видимаго творенія,—

какъ созданіе, носящее образъ Создателя. Какимъ можемъ мы себѣ представить, какимъ должны представлять образъ его дѣйствованія въ отношеніи къ существамъ ему подобнымъ? Мы знаемъ изъ того же Откровенія, что онъ созданъ не одинъ въ своемъ родѣ, что одно изъ первыхъ благословеній, данныхъ ему Творцемъ, есть благословеніе чадородія; и дѣйствительно видимъ въ исторіи скорое размноженіе рода человѣческаго. Нужны ли для него законы? И съ какими законами онъ долженъ былъ соображаться въ своихъ дѣйствіяхъ? Извѣстно, что слово *Законъ* имѣетъ весьма обширное значеніе. По опредѣленію знаменитаго писателя «О духѣ закононовъ», законъ есть отношеніе между вещами, необходимо выходящее изъ ихъ существа или природы. То же самое понятіе выразится, когда назовемъ законъ необходимымъ правиломъ дѣйствованія. Изъ этого понятія слѣдуетъ, что какъ всякая вообще сила въ цѣлой природѣ, такъ и силы человѣка, не только физическія, но и умственныя и нравственныя, коль скоро онѣ дѣйствуютъ въ какомъ бы то ни было направленіи, дѣйствуютъ необходимо по тѣмъ или другимъ законамъ. По какимъ же законамъ дѣйствовалъ человѣкъ первобытный? Поелику мы предположили здѣсь человѣка въ томъ неповрежденномъ состояніи, въ какомъ онъ вышелъ изъ творческихъ рукъ Божіихъ: то и направленіе дѣятельности всѣхъ духовныхъ силъ его вообще не могло быть иное, кромѣ истинна-

го, сообразнаго съ волею Божіею. А потому и въ частности, единственнымъ образомъ обнаруженія воли его во внѣшнихъ дѣйствіяхъ могъ быть тотъ, въ которомъ вѣчная правда Божія выражалась въ своемъ чистѣйшемъ видѣ. Если бы родъ человѣческій размножился и разселился по всему лицу земли въ этомъ неповрежденномъ состояніи, тогда единый высочайшій, и всеобщій Законъ Вѣчной Правды служилъ бы неизмѣннымъ правиломъ дѣйствій человѣческихъ, не только въ отношеніяхъ одного человѣка къ другому, но и во взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльными гражданскими обществами и въ отношеніяхъ между всѣми народами земными: здравый разумъ неложно указывалъ бы примѣненіе сего закона ко всѣмъ случаямъ и обстоятельствамъ въ жизни. Такимъ образомъ, въ высочайшемъ, чистѣйшемъ понятіи права или законоположенія, самая возможность многихъ и различныхъ законовъ (законодательствъ) не имѣетъ мѣста. Одинъ только есть, можетъ и долженъ быть законъ (вообще взятый и заключающій въ себѣ всю совокупность законныхъ положеній или правилъ) для каждаго человѣка порознь, для людей всѣхъ временъ и во всѣхъ странахъ земли, для всѣхъ человѣческихъ обществъ, для всего человѣчества; это Законъ Вѣчной Правды.

Конечно, съ того времени какъ человѣкъ, по свидѣтельству Откровенія, отпалъ отъ Бога, со-

вратился съ пути праваго, затемнилъ въ себѣ образъ Божій, состоящій въ правдѣ, преподобіи и истинѣ, и всеобщій Законъ Вѣчной Правды сдѣлался для насъ одною возвышенною идеей, однимъ общимъ, отвлеченнымъ понятіемъ, которое хотя и заключаетъ въ себѣ основное начало всякаго законоположенія или права, однакожь, само по себѣ, въ какомъ бы то ни было положеніи того или другаго гражданскаго общества, недостаточно для опредѣленія нашихъ дѣйствій и взаимныхъ отношеній. Потребовались законы человѣческіе, которые бы содержали въ себѣ болѣе или менѣе подробныя правила для такихъ дѣйствій и отношеній во множествѣ случаевъ, какіе представляетъ намъ безконечное разнообразіе человѣческой дѣятельности. А люди находятся въ такой зависимости отъ всего, что ихъ окружаетъ, такъ многаго не знаютъ и не могутъ предвидѣть, такъ привыкли судить о многомъ по себѣ самимъ, и слѣдовательно если не пристрастно, то по крайней мѣрѣ одностороннимъ образомъ, что ограниченность сего рода, по необходимости, отражается какъ во всемъ, что они производятъ, такъ и въ законахъ, которые они постановляютъ. И такъ здѣсь уже усматривается источникъ какъ вообще недостаточности и несовершенства (въ большей или меньшей степени), такъ и въ частности раздѣленія, разногласія, особности всѣхъ человѣческихъ законовъ и постановленій, и цѣлыхъ законодательствъ, — поколику въ нихъ не выражается

во всей чистотѣ и полнотѣ единый и всеобщій, непреложный Законъ Вѣчной Правды. Если мы, наблюдая за постепеннымъ развитіемъ, развѣтвленіемъ и видоизмѣненіемъ, въ жизни народовъ, неизмѣннаго самаго по себѣ и всеобщаго Закона Вѣчной Правды, остановимъ взоръ нашъ на Востокѣ, въ той части свѣта, которая всѣми изслѣдователями древности согласно признается первымъ мѣстопребываніемъ человѣка и колыбелью человѣческихъ обществъ: то немедленно усмотримъ это раздѣленіе, эту особность законовъ во всѣхъ такъ называемыхъ правленіяхъ ѳеократическихъ. Самъ Богъ представляется здѣсь какъ вообще верховнымъ Владыкою и Правителемъ народа, объявляющимъ посредствомъ своихъ служителей (жрецовъ) волю свою о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и дѣяніяхъ, которыя должны быть совершены въ самомъ народѣ или со стороны одного народа противъ другаго, такъ и въ особенности Законодателемъ во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ и гражданскихъ. Всякій законъ издается именемъ Бога; нарушеніе всякаго закона есть нарушеніе его воли, и наказывается какъ оскорбленіе Божія величія. Таковъ общій характеръ восточныхъ и другихъ древнихъ законодательствъ, напр. въ древнемъ Египтѣ, въ Персіи, въ Индіи.—Но этотъ Богъ не былъ Богъ единый, истинный. Извѣстно, что чистое понятіе о единомъ, истинномъ Богѣ сохранилось, и то съ великимъ трудомъ, только въ маломъ, избранномъ народѣ.

Въ другихъ странахъ, у другихъ народовъ, боги, самими людьми изобрѣтенные, служили имъ вообще только орудіями для достиженія ихъ цѣлей. Чтобы дать обязательную силу закону, чтобы вдохнуть въ народъ благоговѣніе къ нему, чтобъ освятить законъ и сдѣлать его неприкосновеннымъ: законодатели-люди (все равно, были ль то жрецы, или цари и князья,—состоявшіе подъ ихъ вліяніемъ, или, наоборотъ, употреблявшіе ихъ своими орудіями) говорили народу, что самъ Богъ или сами боги изрекаютъ свою волю въ новомъ законѣ или постановленіи. Отъ того законы этихъ народовъ не только не могли быть чистымъ выраженіемъ всеобщаго, высочайшаго Закона Вѣчной Правды, не только не могли служить общимъ правиломъ дѣйствованія для всѣхъ гражданскихъ обществъ и всего человѣчества, но напротивъ, преимущественно по тѣсной связи своей съ особенными религіозными понятіями каждаго народа, составляли, такъ сказать, особенную его принадлежность, и сами не мало способствовали къ отчужденію одного народа отъ другаго.

Вообще, въ древнія времена, раздѣленіе между народами было весьма рѣзко и твердо; средостѣніе, поставляемое каждымъ народомъ между собою и другимъ, слагалось почти изъ всѣхъ стихій народной жизни, скрѣплялось преимущественно ихъ отдѣльными и враждебными одна другой религіями, и отражалось особенно въ

законодательствахъ. Какъ въ отношеніи къ своему божеству, каждый народъ почиталъ себя исключительнымъ его любимцемъ, такъ и въ отношеніи къ законамъ, не государственнымъ только, но и гражданскимъ, каждый хотѣлъ ограничивать ихъ благодѣтельное дѣйствіе только собственными членами своего гражданскаго общества, исключая рѣшительно всѣхъ другихъ. Такое отчужденіе Законодательствъ, однажды укоренившись во время младенчества древнихъ народовъ, осталось надолго въ своей силѣ и у тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ вліяніе ѳеократіи было и съ начала болѣе ограниченно, а въ послѣдствіи и совсѣмъ почти исчезло. Такъ, Греки отдѣляли себя отъ всѣхъ народовъ чуждаго происхожденія, называя ихъ общимъ именемъ Варваровъ. Такъ, Римляне не только не распространяли благопріятныхъ дѣйствій своихъ законовъ на иностранцевъ, но и не хотѣли ни съ кѣмъ изъ нихъ заключать гражданскихъ сдѣлокъ (negotia juris), по обрядамъ своего строгаго Квиритскаго Права. Вся древность, можно сказать, дышала вообще раздѣленіемъ и отчужденіемъ одного народа отъ другаго; непріятель и иностранецъ были слова тождественныя (hostis, peregrinus). Отъ того и законы ихъ, какъ выраженіе народнаго духа, не могли не носить на себѣ печати того же взаимнаго отчужденія и противоположности.

Но чтобы обозрѣть предметъ съ разныхъ сторонъ, мы не можемъ ограничиться одними древними временами съ ихъ различными законодательствами. Есть такія причины различія между законами разныхъ государствъ, или даже разныхъ частей одного и того же государства, которыхъ дѣйствіе предполагается необходимымъ и неизбѣжнымъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ сего рода полагается въ различіи отношеній времени, мѣста и многихъ другихъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ состояніе того или другаго народа. Таковы: положеніе страны—ровное или гористое, степное или лѣсистое, въ отдаленіи отъ моря или вдоль береговъ морскихъ; почва земли песчаная или болотистая, рыхлая и удобовоздѣлываемая, или каменистая и безплодная; климатъ умѣренный или суровый, съ знойнымъ или холоднымъ небомъ, или съ уравнительнымъ во всякое время года благорастворенiемъ воздуха; недостатокъ или изобиліе рѣкъ обширныхъ и судоходныхъ; и многія другія различія. Сюда же принадлежитъ извѣстное общепринятое раздѣленіе народовъ по степени ихъ гражданскаго образованія на народы бродячіе (звѣролововъ и рыболововъ), кочевые (пастушескіе, номады), осѣдлые—земледѣльческіе, наконецъ ремесленные и торговые. Каждое изъ этихъ особенныхъ обстоятельствъ и положеній народа имѣетъ болѣе или менѣе вліянія на образъ его жизни и преимущественные

роды занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на его любимыя привычки, склонности, обычаи, обряды въ дѣлахъ домашнихъ и общественныхъ, вообще на нравы народные. А какъ особенныя наклонности, обычаи, нравы народа частію сами составляютъ предметъ законодательства, частію находятся въ тѣснѣйшей связи съ другими его предметами: то отсюда заключаютъ, что, гдѣ только есть такія различія между народами, или даже между разными племенами одного и того же народа, между разными областями одного государства, тамъ и законы должны быть для каждаго изъ нихъ различны.

Касательно такого вліянія отношеній времени, мѣста, и проч. на образованіе законодательствъ, во первыхъ, отнюдь не должно забывать, что оно не всесильно и не непреодолимо, но имѣетъ извѣстные предѣлы: въ эту забывчивость нерѣдко впадали мыслители, занимавшіеся изслѣдованіемъ сего предмета. Такой народъ, напримѣръ, который, какъ древніе Греки, во всѣхъ силахъ о дѣйствіяхъ внѣшней природы (*), и въ шумѣ

(*) Здѣсь нѣтъ нужды входить въ подробное изслѣдованіе: были ль это коренныя народныя, т. е. въ самомъ народѣ, со времени его младенчества, образовавшіяся повѣрья; или все это первоначально выдумано поэтами и отъ нихъ уже мало по малу переходило въ общее народное повѣрье. Такое различіе происхожденія общепринятыхъ въ народѣ понятій о своихъ божествахъ не имѣетъ вліянія на предлагаемое здѣсь сужденіе объ этомъ предметѣ.

вѣтра, и въ буряхъ морскихъ, и въ прозябеніи растеній, и въ плодородіи животныхъ, и т. д., видѣлъ или воображалъ видѣть непосредственное дѣйствіе силы особаго, болѣе или менѣе могучаго божества, олицетворялъ оное и ему покланялся, или который, какъ Персіяне, боготворилъ огонь, солнце и другія свѣтила и явленія небесныя,—такой народъ естественно былъ въ высочайшей степени зависимъ отъ внѣшнихъ силъ природы, отъ своего физическаго положенія; онъ послушно слѣдовалъ влеченію этой природы, предъ которою столь униженно раболѣпствовалъ, не дерзая помыслить о томъ, чтобы покорить ее себѣ, господствовать надъ нею и направлять ея силы по своей волѣ, дабы извлечь себѣ возможно большую пользу изъ ихъ дѣйствія. Но когда умственныя силы того или другаго народа развились, когда народный геній образовался, когда внутреннее начало народной жизни достигло степени полной своей дѣятельности: тогда народъ умѣетъ, въ случаѣ нужды, разрѣшить преграды, полагаемыя его стремленію со стороны внѣшней природы, и полезныя или даже дотолѣ безразличныя для него силы природы употребить для достиженія своихъ цѣлей, усиливая обыкновенное ихъ дѣйствіе сторицею и даже тысящекратно. Замѣчено о древнихъ Грекахъ, что они, для цѣлей торговыхъ, и вообще для сношенія съ иноземными народами посредствомъ мореплаванія, отнюдь не

извлекли изъ своего приморскаго положенія всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя могли бъ извлечь. Напротивъ, Голландцы могли бы оставаться бѣднымъ народомъ, ограничивающимъ употребленіе береговъ морскихъ рыбною ловлею; Россіяне могли бы оставаться отрѣзанными отъ береговъ морскихъ съ запада и юга, могли бы не знать несмѣтныхъ сокровищь, хранящихся въ нѣдрахъ дикой природы Уральской и Зауральской, если бы геніи народовъ или великихъ Государей, представляющихъ собою и сосредоточивающихъ въ себѣ силы народныя, не дали имъ лучшаго, полезнѣйшаго, блистательнѣйшаго направленія, и не указали средствъ къ приведенію въ дѣйство великихъ начинаній, на цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія упрочивающихъ благоденствіе государства. Говорить ли еще о прекрасныхъ дорогахъ, соединившихъ, по мановенію сильныхъ, земли, такія страны, между которыми, казалось, природа хотѣла преградить всякое сообщеніе? о каналахъ, оживившихъ судоходствомъ и торговлею мѣста, нѣкогда пустынныя, необитаемыя, непроходимыя? о великолѣпныхъ городахъ, воздвигнутыхъ тамъ, гдѣ природа предопредѣлила быть только убогимъ рыбачьимъ шалашамъ или хижинамъ? о тысячѣ изобрѣтеній и установленій, въ которыхъ человѣкъ правитъ по произволу силами природы для достиженія своихъ цѣлей высокихъ и полезныхъ? Таковы благотворныя дѣйствія мудраго государственнаго управленія и законодательства!

Не ясно ли, что въ такихъ случаяхъ не законодатель слѣпо подчиняется вліянію внѣшней природы (отношеній мѣста и проч.), но сія послѣдняя принимаетъ отъ перваго законы, дѣйствіемъ коихъ уравнивается или изглаживается различіе въ физическомъ положеніи и въ другихъ качествахъ разныхъ частей государства?

Во вторыхъ, есть случаи, въ которыхъ законодательство не только можетъ, но и должно противодѣйствовать вліянію обстоятельствъ и отношеній внѣшней природы, именно тогда, когда она, въ самомъ дѣлѣ или только по мнѣнію людей, увлекаетъ человѣка къ дѣйствіямъ несогласнымъ съ закономъ вѣчной правды, къ дѣйствіямъ безнравственнымъ. Истина вообще неоспоримая, и даже не подлежащая сомнѣнію: ибо законы поставляются не для того, чтобы содѣйствовать злу, гнѣздящемуся внѣ человѣка или въ самомъ человѣкѣ, а для того, чтобы ему противодѣйствовать, не только не позволяя обнаруживаться, но истребляя по возможности въ самомъ корнѣ. И нельзя не подивиться, какимъ образомъ знаменитый писатель «О духѣ законовъ», допуская и даже внушая сію истину вообще (*), далеко уклоняется отъ нея въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ. Говоря о вліяніи климата на

(*) De l'esprit des lois. L. XIV. Ch. 5, 7 etc.

тѣло и душу человѣка, Монтескьё до такой степени преувеличиваетъ зависимость отъ него цѣлыхъ народовъ, что объявляетъ многоженство необходимою потребностію всѣхъ южныхъ странъ, установленною отъ самой природы, и слѣдовательно непреодолимою, неизмѣнною (*). Я не говорю здѣсь о нашемъ общемъ здравомъ смыслѣ, по сужденію котораго въ брачномъ соединеніи одного мужчины съ одною женщиною усматривается такая полнота единства противоположныхъ половъ, что къ ней ничего не льзя прибавить; не говорю потому, что тѣ Азіатскіе народы, у которыхъ многоженство во всеобщемъ употребленіи, могутъ ссылаться на ихъ общій смыслъ, внушающій имъ противное. Не говорю о томъ, что почти всѣ философы, которые только касались этого предмета, вполнѣ соглашаясь съ нашимъ общимъ смысломъ, почитаютъ многоженство исчадіемъ необузданной чувственности; не говорю потому, что нашлись однакожь философы, которые утверждали противное: самъ Монтескьё всегда сохранитъ славу философа глубокомысленнаго; мудрецъ Платонъ предположилъ общеніе женъ для своего идеальнаго государства. Укажу только на Божественное ученіе нашего Спасителя, который, желая объяснить Іудеямъ истинное значеніе брака и взаимное отношеніе между супругами, возводилъ ихъ мысли къ первоначальному

(*) Ibid. L. XIV. Ch. 1—10.

установленію сего, Божіимъ благословеніемъ запечатлѣннаго, союза въ то время, когда сотворенъ былъ одинъ мужъ и одна жена: «мужа и жену сотвори ихъ» (*); укажу на то чистѣйшее, небесное ученіе Св. Вѣры, коего основанія всѣ мы единодушно исповѣдуемъ, и котораго Божественное предназначеніе есть, не только быть возвѣщену, но и распространиться и утвердиться во всемъ мірѣ, соединивъ всѣ народы земные въ одинъ братскій союзъ и общеніе вѣрующихъ. Должно ли это высокое предназначеніе Вѣры Христіанской на вѣки отщетиться въ странахъ южныхъ обычаями, издревле тамъ укоренившимися, каково напримѣръ многоженство? Не въ одной ли изъ этихъ самыхъ странъ впервые возсіялъ свѣтъ ученія Христова? Не тамъ ли это ученіе первоначально распространилось? Не видимъ ли и нынѣ во всѣхъ такихъ странахъ общества Христіанъ, болѣе или менѣе значительныя?

Этотъ примѣръ одного изъ важнѣйшихъ гражданскихъ установленій долженъ убѣдить насъ въ той истинѣ, что различіе законодательствъ, происходящее отъ вліянія мѣстныхъ и другихъ отношеній, имѣетъ свои предѣлы, и вмѣстѣ бросить лучь свѣта на самое существо различія между законодательствами, внушая намъ, что всякое законодательство, какъ скоро оно переступаетъ

(*) Матѳ. XIX, 4.

за эти предѣлы,—ложно, несправедливо, противоестественно, несогласно съ ненарушимымъ Закономъ Вѣчной Правды. Все, что противно этому высочайшему Закону, не можетъ, по крайней мѣрѣ не должно, имѣть мѣста ни въ какомъ законодательствѣ, и подлежитъ уничтоженію или по крайней мѣрѣ исправленію со стороны мудраго Законодателя. Слѣдовательно, если въ двухъ различныхъ законодательствахъ находятся постановленія объ одномъ и томъ же предметѣ, прямо и въ самомъ существѣ вещи одно другому противорѣчащія, и если объ одномъ изъ такихъ положеній нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно совершенно согласно съ Закономъ Вѣчной Правды: то не менѣе несомнѣнно, что противное положеніе рѣшительно не можетъ быть оправдано никакими обстоятельствами и отношеніями, и гдѣ оно допущено, тамъ можетъ быть терпимо только дотолѣ, доколѣ представится Законодателю возможность замѣнить его положеніемъ, непротивнымъ Закону Вѣчной Правды. Примѣры такихъ положеній, сверхъ многоженства и болѣе или менѣе неразлучнаго съ нимъ состоянія евнуховъ, представляютъ намъ: общеніе женъ, существовавшее не въ воображаемой только Платоновой республикѣ, но и на самомъ дѣлѣ у нѣкоторыхъ народовъ древности (*), которые стояли на самой низкой степени

(*) У Гарамантовъ, Pomp. Mela, I, 8; Троглодитовъ, Diod. Sicul. III, 7; Авзійцевъ, Herod. IV, 6.

гражданскаго образованія, и конечно не могли бы никогда подняться выше, еслибы удержали сіе установленіе; продажа дѣтей, дозволенная древнѣйшими законами Римскими, существовавшая въ этомъ государствѣ, столь славномъ по своему законодательству, въ теченіе многихъ вѣковъ, и только подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ Христіанской Вѣры уничтоженная; убіеніе слабыхъ дѣтей, предписанное въ законахъ Ликурговыхъ, которые имѣли цѣль, по видимому похвальную, составить Спартанскую республику изъ гражданъ твердыхъ, мужественныхъ, неустрашимыхъ, однакожь цѣль одностороннюю, не объемлющую всѣхъ благъ, какія государство должно доставить гражданину, цѣль, при которой развитіе многихъ прекрасныхъ и высокихъ способностей человѣческаго духа оставлено въ небреженіи,— и потому между прочимъ были вообще жестоки и во многомъ несправедливы. Сюда же принадлежитъ умерщвленіе престарѣлыхъ родителей и вообще людей дряхлыхъ, бывшее въ обыкновеніи у нѣкоторыхъ необразованныхъ Азіатскихъ народовъ, которые видѣли въ этомъ легкое средство освобожденія гражданскаго общества отъ членовъ, не приносящихъ ему никакой пользы, и только составляющихъ для него напрасную тягость. Нужно ли еще болѣе примѣровъ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что законы разныхъ народовъ не должны противорѣчить себѣ взаимно въ такой степени, чтобы который нибудь изъ нихъ совершенно удалялся

отъ общаго, высочайшаго закона всѣхъ нашихъ дѣйствій, Закона Вѣчной Правды, и что всякое противорѣчіе сего рода дожно быть ранѣе или позже изглажено уничтоженіемъ зла и постановленіемъ одного закона, для всѣхъ справедливаго?

Въ чемъ же будетъ состоять различіе между Законодательствами разныхъ государствъ и народовъ, или разныхъ областей одного государства, поколику сіе послѣднее различіе вообще допущено Верховною Законодательною властію въ государствѣ? Кто проникнетъ въ этотъ предметъ до послѣднихъ его основаній, тотъ не можетъ не сознаться, что въ большей части случаевъ это различіе можетъ быть только количественное, а не качественное. Что̀ необходимо слѣдуетъ изъ самаго понятія, изъ самаго существа правды и справедливости, то должно имѣть равную силу и одинаковое приложеніе у каждаго народа, и не только во всѣхъ частяхъ одного государства, но и во всѣхъ вообще государствахъ. Только такія разногласныя между собою положенія, изъ коихъ то и другое равно можетъ быть соглашено съ Закономъ Вѣчной Правды, могутъ, по вліянію особенныхъ обстоятельствъ, а не рѣдко и по произволу Законодателя, имѣть мѣсто — одно въ законахъ одного, другое въ законахъ другаго государства или области, давая такимъ образомъ самымъ законодательствамъ видъ различія или разнообразія. Такъ наприм. срокъ совершеннолѣтія.

требуемый для возможности кому либо законно распоряжать своимъ имуществомъ съ полною свободою, въ законахъ отечественныхъ опредѣляется истеченіемъ 21 года отъ рода; общими законами Прусскими требуется для того 24 года, Ганноверскими 25 лѣтъ. Возрастомъ, необходимымъ для вступленія лицъ женскаго пола въ бракъ, постановлено у насъ истеченіе 16, во Франціи 15, въ Пруссіи 14, по Литовскому Статуту 13, по Римскому Праву 12 лѣтъ. Для удостовѣренія подлинности духовнаго завѣщанія требуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ: законъ отечественный подписи 2 или 3 (¹), другіе законы 4 или 5 (²), Право Римское 7 свидѣтелей. Срокъ давности опредѣляетъ законъ Россійскій числомъ 10 лѣтъ, другіе законы—разными иными числами. Подобное разнообразіе усматриваемъ въ опредѣленіи частей, выдѣляемыхъ нѣкоторымъ родственникамъ изъ наслѣдства, доставшагося по закону; въ большемъ или меньшемъ числѣ формальностей, требуемыхъ для совершенія разнаго рода актовъ; и во множествѣ другихъ предметовъ гражданскаго законодательства.

(¹) См. Т. X. Зак. гражд. ст. 633. Число всѣхъ вообще подписей, необходимыхъ для совершенія духовнаго завѣщанія домашнимъ порядкомъ, можетъ, смотря по обстоятельствамъ восходить до 5; но не всѣ подписи въ этомъ числѣ суть подписи свидѣтельскія. Ср. ст. 632—636.

(²) Наприм. Code civil, art. 971, 974.

Но здѣсь можетъ родиться вопросъ: развѣ такія различія, хотя только количественныя, въ законодательствахъ не основаны ни на какой опредѣленной причинѣ,—не вынуждены никакимъ особеннымъ побужденіемъ? Конечно, ничто не бываетъ безъ причины. Но именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о различіяхъ количественныхъ (а не качественныхъ) въ законодательствѣ, нѣтъ причинъ безусловно необходимыхъ, такихъ причинъ, которыя бы необходимо требовали извѣстнаго, точно опредѣленнаго законоположенія, вовсе не допуская другаго, сколько нибудь съ нимъ несходнаго. Возьмемъ, для поясненія, одинъ изъ приведенныхъ уже примѣровъ различія въ законодательствахъ, именно возрастъ, требуемый закономъ для вступленія въ бракъ. Въ Римскомъ Правѣ, послѣ извѣстнаго спора между Юристами разныхъ тогда господствовавшихъ школъ о способѣ опредѣлять зрѣлость возраста, потребную для вступленія въ бракъ, постановлено необходимымъ въ семъ отношеніи условіемъ истеченіе 14 года для лицъ мужескаго, и 12 для лицъ женскаго пола. Причину, побудившую поставить такіе сроки, полагаютъ въ мѣстныхъ отношеніяхъ,—южномъ положеніи Италіи съ ея жаркимъ климатомъ, подъ вліяніемъ котораго оба пола достигаютъ зрѣлости въ столь ранніе годы жизни. Но если различіе мѣстныхъ отношеній необходимо требуетъ и существенно различныхъ законовъ для разныхъ странъ, то, какъ могли тѣ же самые сроки быть

допущены въ такихъ странахъ, гдѣ жестокая зима царствуетъ до половины года или еще долѣе? И однакожь Каноническое Право западной церкви, заимствовавшее сроки вступленія въ бракъ изъ Римскаго, получило силу дѣйствующаго закона и въ этомъ отношеніи вездѣ, куда только проникло Христіанское ученіе западной церкви. Почти тѣ же самые сроки [1] опредѣлены были и въ нашемъ отечествѣ законами православной церкви, и имѣли всеобщую силу [2] и повсемѣстное дѣйствіе до отдаленнѣйшихъ краевъ Россійскаго государства, не смотря на чрезвычайное различіе климатовъ на сѣверѣ и на югѣ Россіи. Наконецъ новый гражданскій законъ въ недавнее время опредѣлилъ возрастъ, необходимый для вступленія въ бракъ, достиженіемъ 18 или 16 лѣтъ, по различію пола [3]. Дѣйствіе сего закона распространено, въ отмѣну прежнихъ раннихъ сроковъ, на Россійскихъ подданныхъ всѣхъ Христіанскихъ исповѣданій, также Еврейскаго и Маго-

---

(1) Однимъ годомъ долѣе для обоего пола. См. Син. Ук. 1774, Дек. 17.

(2) Временно дѣйствовали нѣкоторыя изъятія, постановленныя Императоромъ Петромъ В. для лицъ, особо означенныхъ по ихъ званію и другимъ качествамъ. См. Регл. Адм. и верфи 1722, Апр. 5, Гл. I, п. 77. Им. Ук. 1714, Марта 23, п. 5. Ср. Син. Ук. 1756, Дек. 20. Регл. Адм. 1765, Авг. 24. Ч. I, Гл. III, п. 4. Также Ук., привед. подъ 1) и др. под.

(3) Им. Ук. 1830, Іюля 19.

метанскаго закона (*): слѣдовательно ему въ равной мѣрѣ подлежатъ и жители холодныхъ прибрежныхъ странъ Сѣвернаго Океана, и обыватели областей Закавказскихъ, знойнымъ климатомъ столь сходныхъ съ Италіею. Я не думаю, чтобы какой-либо благоразумный и благомыслящій человѣкъ могъ усумниться въ мудрости сего новаго узаконенія, въ сообразности его съ цѣлію, во всеобщей пользѣ, какую оно приноситъ, «предохраняя отъ тѣхъ извѣстныхъ по опыту вредныхъ послѣдствій, кои происходятъ отъ сочетанія браковъ между несовершеннолѣтними и потрясаютъ добрые нравы». Если же все сказанное не подлежитъ сомнѣнію, то что сказать о вліяніи мѣстностей, которое съ такимъ напряженіемъ выставляютъ на видъ, которому съ такимъ усиліемъ стараются подчинить законодательную дѣятельность Верховной власти защитники безконечнаго разнообразія законовъ, необходимаго, какъ они утверждаютъ, и неизбѣжнаго по причинѣ различія въ отношеніяхъ мѣста и другихъ подобныхъ? Не ясно ли, что въ такихъ случаяхъ все зависитъ отъ воли Законодателя, который, заботясь о благѣ своихъ подданныхъ, изъ многихъ равно возможныхъ, равно непротивныхъ всеобщему Закону Вѣчной Правды постановленій объ извѣстномъ

(*) Ср. узак. 1830, Окт. 6. 1831, Генв. 20. 1835, Мар. 1 и Апр. 13 (§ 17).

предметѣ, старается избрать одно, наиболѣе могущее содѣйствовать общему благу? Не ясно ли, что въ случаяхъ сего рода никакая Философія права не можетъ назначить опредѣленной, неизмѣнной точки, на которую бы необходимо долженствовало упасть указаніе этой воли? Вы сказали бы, напримѣръ, что полные 18 лѣтъ—самый лучшій срокъ, какой можно постановить необходимымъ условіемъ для вступленія въ бракъ лица мужескаго пола. Я спросилъ бы: почему не 17 лѣтъ съ половиною, или не 17 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, или не 18 лѣтъ и 1 мѣсяцъ? и такъ далѣе: и конечно не получилъ бы отвѣта вполнѣ удовлетворительнаго, содержащаго въ себѣ совершенно точное рѣшеніе вопроса: потому что это въ большей части предметовъ законодательства невозможно.

Мнѣ кажется, что сказанное доселѣ можетъ достаточно убѣдить всякаго въ томъ, какъ слабо вообще само въ себѣ заключеніе о необходимости разныхъ законовъ по одному и тому же предмету, выводимое изъ различія внѣшнихъ отношеній того или другаго народа или разныхъ областей одного государства. Сказаннымъ преимущественно объясняется и то, почему въ разныхъ законодательствахъ постановлены количественно различныя правила о такихъ предметахъ, которыя могли бы подлежать вездѣ одному общему постановленію? Каждый изъ Законодателей

слѣдовалъ собственному усмотрѣнію; Законодатель одного народа или государства не совѣтовался съ Законодателями другихъ народовъ, не входилъ съ ними въ сношеніе о томъ, чтобы на извѣстный случай постановить одно общее, повсемственную силу закона имѣющее, правило,—о которомъ, конечно, во многихъ случаяхъ, преимущественно по части гражданскаго права, могло бы родиться взаимное согласіе, если бы такія сношенія вообще были нужны или умѣстны. И сіе послѣднее не есть выдумка или мечта о вещи, которая никогда не можетъ осуществиться. Мы имѣемъ дѣйствительные примѣры соглашеній сего рода между правителями разныхъ государствъ и народовъ. Правда, такіе примѣры наиболѣе относятся къ праву народному; но это отъ того, что въ настоящемъ положеніи гражданскихъ обществъ самая потребность взаимнаго соглашенія между правительствами разныхъ государствъ ощущается преимущественно и почти исключительно только въ отношеніи къ предметамъ сего права. Между тѣмъ, уже по самой связи каждой отдѣльной части права, вообще взятаго, со всѣми другими его частями, и по ихъ взаимному соприкосновенію, можно предполагать, что дѣйствіе такого соглашенія не ограничивается совершенно однимъ народнымъ правомъ, но отражается и на другія части законодательства въ какомъ бы то ни было государствѣ. Такъ, въ законахъ гражданскихъ, положенія о

наслѣдствѣ иностранцевъ, о торговыхъ и другихъ гражданскихъ сношеніяхъ между подданными разныхъ государствъ, основываются отчасти на взаимныхъ соглашеніяхъ между ихъ правительствами.

Возвращаясь отъ соображенія причинъ различія между законодательствами разныхъ народовъ къ опредѣленію самаго свойства сего различія, можно было бы усмотрѣть другой его видъ въ томъ, что законы одного государства опредѣляютъ съ большою точностію и подробностію различные предметы и отношенія гражданскія, о которыхъ законы другаго государства или вовсе ничего не постановляютъ, или содержатъ только общія правила и упоминаютъ какъ бы мимоходомъ. Причина сего различія заключается въ томъ, что такіе предметы и отношенія весьма часты и обыкновенны у одного народа, и рѣдки или и вовсе не имѣютъ употребленія у другаго. А это зависитъ отъ рода занятій, отъ степени образованности разныхъ народовъ, и отъ другихъ подобныхъ обстоятельствъ. Ликурговымъ Спартанцамъ не было нужды въ законахъ о внѣшней торговлѣ; нашимъ бродячимъ народамъ мало нужды въ законахъ о частной поземельной собственности; подробный уставъ о фабричной и мануфактурной промышленности для Киргизъ-Кайсаковъ или для Самоѣдовъ былъ бы вовсе неумѣстенъ: все это просто и ясно до очевидно-

сти. Не труднѣе понять и то, что такое различіе законовъ по роду своему есть также количественное, и что если бы народъ, неимѣвшій прежде объ извѣстномъ родѣ гражданскихъ сдѣлокъ никакихъ постановленій въ своихъ законахъ, естественнымъ ходомъ своего образованія поставленъ былъ въ одинаковое положеніе съ другимъ народомъ, у котораго есть на этотъ предметъ опредѣленные законы, новыя постановленія, сдѣлавшіяся теперь необходимыми для того народа, безъ сомнѣнія не могли бы вовсе противорѣчить постановленіямъ другаго, находящагося въ равныхъ съ нимъ обстоятельствахъ: напротивъ они должны были бы имѣть большое съ ними сходство, и при совершенномъ равенствѣ отношеній могли бы даже быть съ ними единогласны.

И только въ предѣлахъ, доселѣ мною постановленныхъ можно допустить то понятіе органическаго развитія права совокупно съ органическимъ развитіемъ жизни народной, и изъ началъ этой жизни, о которомъ нынѣ такъ много говорятъ и пишутъ Нѣмецкіе Юристы такъ называемой исторической школы, и которому они не полагаютъ никакихъ предѣловъ. Каждый народъ, говорятъ они (*), живетъ особенною, не-

(*) Первоначальное очертаніе этой теоріи образованія права содержится въ извѣстномъ сочиненіи Савиньи: Vom Berufe unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelb. 1814, s. 8,ff.

дѣлимою, отъ всѣхъ другихъ народовъ отдѣльною, жизнію. Этотъ недѣлимый характеръ народа опредѣляется, сверхъ особеннаго происхожденія и языка, всѣми отношеніями времени, мѣста и подобными, — о вліяніи которыхъ на законодательство народа я излагалъ уже мои мысли. Всѣ стихіи народной жизни и дѣятельности состоятъ подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ и обстоятельствъ, дѣйствующихъ на народъ, и носятъ на себѣ неизгладимый отпечатокъ сего вліянія, которое продолжается дотолѣ, доколѣ народъ сохраняетъ свое отдѣльное, самостоятельное существованіе. Такъ и Право (здѣсь имѣютъ въ виду обыкновенно Право Гражданское) образуется сперва мало по малу въ общемъ сознаніи народа, безъ всякаго вліянія со стороны высшей законодательной власти,—которое притомъ сдѣлалось бы легко безплоднымъ поврежденіемъ чистаго, изъ народной жизни развитаго, Права, еслибы клонилось къ отмѣнѣ чего-либо въ его положеніяхъ, по видамъ политическимъ (*). Когда, въ послѣдствіи, масса частныхъ правилъ и положеній этого Права увеличится до того, что народъ не можетъ весь совокупно, и въ каждомъ своемъ недѣлимомъ, заниматься его сохраненіемъ и дальнѣйшимъ образованіемъ: тог-

---

(*) Savigny, vom Berufe etc. S. 16.... «Dass die Gesetze dieser Art leicht eine fruchtlose Corruption des Rechts sind,» etc.

да образуется особое сословіе людей, преимущественно посвящающихъ себя и сохраненію Права въ первобытной чистотѣ и оригинальности, и дальнѣйшему его развитію. За тѣмъ, предметомъ дѣятельности собственно Законодателя могло бы быть только опредѣленіе съ большею точностію того, что при такомъ развитіи Права осталось несовершенно опредѣленнымъ и разрѣшеніе нѣкоторыхъ сомнѣній, слѣдственно вообще только воспособленіе тому Праву, которое само собою образовалось въ народѣ изъ его обычаевъ. Изъ совокупности сихъ положеній необходимо слѣдуетъ, что всякой иной видъ вмѣшательства со стороны Законодателя былъ бы вообще нарушеніемъ естественнаго хода образованія Права: ибо все то, что необходимо слѣдуетъ изъ жизни народа, должно развиться изъ нея уже само собою, безъ содѣйствія Законодателя; а все, что или вновь изобрѣтается самимъ Законодателемъ, или приносится въ собственное того народа Право, бывъ занято извнѣ, всегда останется этому народу чуждо, неестественно, и никогда не будетъ имѣть въ немъ истинной жизни и дѣйствія.»

Въ этомъ изложеніи образованія Права нѣкоторыя посылки несправедливы; да и всѣ взяты во всеобщности, неимѣющей никакихъ предѣловъ: и потому преувеличеніе, которое я замѣтилъ въ образѣ частныхъ сужденій писателя «О духѣ законовъ» и объяснилъ примѣромъ, заимствован-

нымъ отъ вліянія климата на нравы и законы народовъ, здѣсь распространено на всѣ обстоятельства и отношенія, имѣющія, или о которыхъ предполагаютъ, что они имѣютъ — болѣе или менѣе вліянія на жизнь народа. Бывъ взято въ такой безусловной всеобщности, и приложено къ своему предмету во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ, это начало не даетъ никакихъ вещественныхъ послѣдствій (результатовъ); оно можетъ имѣть истинное, вещественное значеніе только касательно общаго направленія, — общаго духа законовъ того или другаго народа, — касательно главнѣйшихъ чертъ и сильнѣйшихъ оттѣнковъ, отличающихъ народы вообще, и въ частности ихъ законодательства одно отъ другаго. Дальнѣйшія подробности гражданской жизни, безчисленныя взаимныя отношенія между членами одного государства или одного народа, опредѣляетъ Законодатель, заступающій его мѣсто своею законодательною дѣятельностію, разумѣется, вообще согласно съ духомъ и положеніемъ своего народа, но иногда именно вопреки тому, что въ народѣ, по видимому, укоренилось давнимъ обычаемъ, напримѣръ, когда благо государства и народа требуетъ искорененія вкравшихся злоупотребленій, или порочныхъ нравовъ и вредныхъ обычаевъ, повсемственно распространившихся (*). На

(*) Того же требуетъ и Монтескьё: De l'espr. des lois, L. XIV, ch. 5, 7, etc.

этомъ основаніи, Законодатель нерѣдко дѣйствуетъ въ постановленіи новыхъ правилъ и законовъ по особеннымъ, самимъ имъ созданнымъ, идеямъ и началамъ; или заимствуетъ отъ другихъ чуждыхъ законодательствъ тѣ постановленія, которыя могутъ быть съ пользою приложены къ отношеніямъ его народа или государства. Въ исторіи мы видимъ много примѣровъ такихъ дѣйствій законодательной власти, заслуживших не укоризну, а одобреніе и славу. Не на двухъ ли противоположныхъ началахъ основаны были славныя въ древности Законодательства — Ликургово и Солоново, тогда какъ народы, тѣми и другими законами управляемые, были столь сходны между собою и по происхожденію отъ одного корня, и по общему языку, и по одной религіи, и по одинаковому климату и положенію странъ, почти смежныхъ одна съ другою, и по одинаковому первоначальному (*) государственному устройству? И эти мудрые Законодатели, Солонъ и Ликургъ, не проводили ль долго времени въ странахъ чуждыхъ, чтобы наблюдать обычаи и законы другихъ народовъ, и заимствовать отъ нихъ то, что могло быть полезно для государствъ

(*) Извѣстно, что у всѣхъ Греческихъ народовъ первоначально было правленіе Монархическое, частію съ характеромъ Патріархальнаго или родоваго управленія; послѣ вездѣ образовались народныя правленія и притомъ въ одно почти время.

Греческихъ? И Римляне, предъ составленіемъ XII Таблицъ, послужившихъ основаніемъ ихъ знаменитаго законодательства, не посылали ль въ Греческія страны опытныхъ людей для подобныхъ наблюденій, и не воспользовались ли даже выписками изъ ихъ законовъ и постановленій? (1) И въ послѣдствіи времени, когда варварскіе народы разныхъ наименсваній, разрушивъ западную Римскую имперію и поселившись на ея развалинахъ, вскорѣ добровольно признали надъ собою владычество законовъ побѣжденнаго ими народа: гдѣ тутъ малѣйшій слѣдъ развитія права (Римскаго) изъ ихъ народной жизни и особеннаго, недѣлимаго характера или нравовъ? Конечно, это были Варвары, вовсе чуждые всякой образованности, но развитіе права изъ жизни народа и не предполагаетъ образованности въ народѣ: оно совершается первоначально, говорятъ, въ эпоху младенчества народовъ, когда они бываютъ такъ бѣдны въ понятіяхъ всякаго рода (2). Пройдемъ мимо нѣсколькихъ вѣковъ этого невѣжества: вотъ надъ западною половиною Европы занимается заря просвѣщенія; являются Университеты, и юношество разныхъ странъ и націй стремится

---

(1) Placuit publica auctoritate decem constitui viros, per quos peterentur leges a Graecis civitatibus et civitas fundaretur legibus... quarum ferendarum auctorem fuisse Hermodorum quendam Ephesium, etc. Pompon. de orig. juris fr. 2, § 4, d. l. 1, t. 2.

(2) Savigny, vom Berufe. etc. S. 9.

къ нимъ, влекомое жаждою познаній. Что было слѣдствіемъ этого стремленія для законодательства? Народы Германскаго происхожденія принимаютъ Право Римское, не имѣющее ни малѣйшей связи съ органическимъ развитіемъ ихъ народной жизни и собственнаго кореннаго законодательства, но прежде, отдѣльно получившее и свое начало и окончательное образованіе въ народѣ, котораго политическій и гражданскій бытъ совершенно отличенъ отъ Германскаго. Не извнѣ ли также приходитъ къ нимъ Право Каноническое, право, которому не смотря на могущество Папы, можно было бы весьма легко воспретить входъ въ суды гражданскіе (свѣтскіе), ограничивъ дѣйствіе его предматами Вѣры и Церкви и дѣлами, собственно до духовенства относящимися,— такъ какъ примѣръ этого являютъ нѣкоторыя государства, устранившія отъ себя или вовсе или большею частію вліяніе сего Права? По какому наконецъ органическому развитію законодательства изъ народной жизни, города занимали одинъ у другаго ихъ особенныя права и установленія, напримѣръ, право Магдебургское, и другія подобныя—и притомъ города, неимѣвшіе дотолѣ ни того устройства и управленія, какое существовало въ городахъ, сообщившихъ имъ свое право, ни сходства съ ними въ другихъ отношеніяхъ и обстоятельствахъ, напротивъ—совершенно отличные отъ нихъ и по принадлежности къ различнымъ народамъ, и по различію вѣроисповѣ-

данiй, и по языкамъ, не состоящимъ ни въ малѣйшемъ сродствѣ между собою, и по подчиненiю разнымъ государствамъ, коихъ государственное управленiе весьма несходно?—Я разумѣю города Польскiе и города Русскiе, подъ владычествомъ Польши получившiе право Магдебургское.

И это занятiе законовъ и постановленiй отъ другихъ народовъ, съ одной стороны, нерѣдко бываетъ необходимо и неизбѣжно, съ другой ни мало не унижаетъ народа заимствующаго. Оно бываетъ необходимо. Жизнь народа заключается въ дѣятельности составляющихъ его недѣлимыхъ, которая принимаетъ, по обстоятельствамъ, разнообразныя направленiя и обнаруживается въ безчисленныхъ видахъ, или уже прежде являвшихся, или вновь производимыхъ. Отсюда — многоразличныя отношенiя, изъ которыхъ одни и прежде были и продолжаютъ существовать, другiя перестаютъ существовать, иныя образуются вновь. Все это въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ мертвенность или онѣмѣнiе не преобладаетъ надъ жизнiю народною, происходитъ такъ быстро, что одно органическое развитiе права въ сознанiи народномъ и изъ народной жизни, по признанiю самихъ защитниковъ и панегиристовъ этого источника правъ, обыкновенно скоро становится недостаточнымъ для опредѣленiя всѣхъ этихъ отношенiй сообразными правилами и постановленiями закона. Слѣдовательно (и это необходимо

изъ того слѣдуетъ, хотя и говорятъ, что здѣсь Юристы могутъ (*), занявъ мѣсто народа и его сознанія, восполнить недостатокъ) — слѣдовательно жизнь народная представляетъ всегда болѣе или менѣе пищи для дѣятельности Законодателя, и болѣе или менѣе нуждается въ этой дѣятельности и ее требуетъ. Такое требованіе бываетъ иногда чрезвычайно важно, и неисполненіе его могло бы нанести вредъ народу и государству. А хорошіе Законодатели не во всякое время даются въ удѣлъ каждому народу: истинно мудрые Законодатели рѣдки; это свѣтила, только отъ времени до времени являющіяся на горизонтѣ государства, чтобъ излить на оное свѣтъ и теплоту благотворныхъ лучей своихъ. Потому то, что̀ однажды произведено однимъ изъ законодательныхъ геніевъ, остается на вѣки, и не только передается изъ родовъ въ роды, и до отдаленнѣйшихъ потомковъ, въ одномъ и томъ же народѣ или государствѣ, но и принимается другими народами—позднѣйшими и нерѣдко отличными по первобытному

(*) Впрочемъ въ Римѣ, такъ какъ творенія Юристовъ приняты въ число законныхъ книгъ (источниковъ Права) и имъ усвоена Верховною Властію въ государствѣ сила законовъ,— самые Юристы Верховною Властію введены (но отнюдь не сами собою или собственнымъ усиліемъ вошли) въ составъ законодательной силы. Это особенное событіе не даетъ права къ общему заключенію, будто Юристы призваны самимъ родомъ своихъ занятій къ образованію и развитію Права, какъ дѣятельности законодательной.

своему образованію отъ того народа, для котораго законъ первоначально данъ,—разумѣется, ежели позднѣйшій народъ придетъ въ то положеніе, въ которомъ находился народъ, первоначально принимавшій законъ, или если по крайней мѣрѣ законодательство можетъ быть приспособлено къ духу и положенію позднѣйшаго народа, посредствомъ сообразныхъ измѣненій, дополненія недостающими постановленіями и опущенія такихъ, которыя не соотвѣтствуютъ новому быту народному.—Конечно, и это приспособленіе можетъ быть болѣе или менѣе удачно, смотря по таланту того, кто совершаетъ такое законоположительное дѣйствіе. Такъ изъ одной и той же массы Римскаго Законодательства,—но съ сколь различнымъ умѣньемъ и успѣхомъ!—заимствовали свои права и Вестготы въ VI вѣкѣ по Р. Х., и различные Законодатели Нѣмецкихъ областей во времена позднѣйшія, и составители Прусскаго общаго Уложенія въ прошедшемъ вѣкѣ, и Французы въ новѣйшее время. Однакожъ вообще, предположивъ въ Законодателѣ съ одной стороны полное и ясное познаніе тѣхъ побужденій, по которымъ, и народнаго духа, обстоятельствъ, всецѣлаго положенія, въ которомъ какой-либо мудрый законъ былъ прежде данъ одному народу, а съ другой стороны точное познаніе духа и положенія своего народа,—приспособленіе прежняго закона или по крайней мѣрѣ занятіе изъ него вещества для составленія новаго закона, можетъ быть, по нуж-

дѣ, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ и большею пользою сдѣлано, что истинно мудрые законы, какому бы народу даны ни были, суть болѣе или менѣе точное, близкое и чистое выраженіе всеобщаго Закона Вѣчной Правды, въ его приложеніи къ извѣстнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ того народа (*). Если бы совершенство каждаго законодательства требовало, чтобъ оно развивалось въ одномъ сознаніи народа (или и Юристовъ) и единственно изъ стихій народной жизни, совершенно чуждаясь всего принадлежащаго другимъ народамъ: къ чему бы служила намъ тогда всемірная исторія? къ чему служили бъ опыты вѣковъ и народовъ въ законодательствѣ? Не уже ли только для удовлетворенія нашего любопытства? И поступать такимъ образомъ въ дѣлѣ законодательства, не то же ли значило бъ, что въ наукахъ хотѣть каждому посредствомъ собственныхъ изслѣдованій, опытовъ и наблюденій созидать для себя то или другое знаніе, не обращая никакого вниманія на тысячи истинъ, давно уже открытыхъ, и тысячи пособій, всѣмъ доступныхъ, при помощи коихъ можно, не теряя напрасно дорогаго времени, вдругъ пройти все доселѣ обработанное поле науки, и за тѣмъ съ стократною пользою употребить свои

(*) Cic. de republ. L. III, c. XXII. De legg. l. I, c. XV, l. II, c. IV. Orat. 49.

силы и средства для дальнѣйшихъ изслѣдованій, для расширенія предѣловъ науки, для ея усовершенствованія и обогащенія новыми истинами? Легко понять, что, гоняясь за такою неумѣстною оригинальностію въ томъ и другомъ дѣлѣ,—и въ дѣлѣ наукъ, и въ дѣлѣ законодательства, всѣ оставались бы въ вѣчномъ младенчествѣ: и частные люди, и народы, и государства, и цѣлое человѣчество. Что ни говорятъ правовѣды-Германисты, жалуясь на нарушеніе естественнаго, спокойнаго хода органическаго развитія собственно-Германскаго Гражданскаго Права, чрезъ принятіе Права Римскаго: весьма вѣроятно, съ этимъ спокойнымъ, медленнымъ развитіемъ, въ тысячу лѣтъ не сдѣлали бъ они такихъ успѣховъ въ Правовѣдѣніи и Законодательствѣ, какіе оказали въ немногія столѣтія при помощи Римскаго Права. И не подобнымъ ли образомъ во многомъ дѣйствуя (*), безсмертный Преобразователь Россіи

(*) Здѣсь довольно указать на Морской Уставъ 1720 г. Генв. 13, гдѣ, во введеніи, Законодатель говоритъ между прочимъ: «Сей Воинскій Морской Уставъ учинили. . . . которое выбрано изъ пяти Морскихъ Регламентовъ, и къ тому довольную часть прибавили, что потребно, еже все чрезъ собственный Нашъ трудъ учинено» и проч. Въ Уставѣ Воинскомъ 1716 г. Мар. 30, сказано короче:... «Еже чрезъ собственный Нашъ трудъ *собрано* и умножено.» —Извѣстно, что въ основаніе трудовъ по составленію новаго Уложенія для Россіи положено было сперва Шведское, а послѣ Датское Уложеніе. Учрежденіе Коллегій и другія подобныя установленія явно

началъ и частію совершилъ свое великое дѣло, а къ окончательному исполненію указалъ надежныя средства и вѣрный путь, по которому исполински шествуя, наше отечество въ столь краткое время взошло на такую высоту величія и славы? Да не подумаетъ кто-либо, что отъ такого образа дѣйствованія въ Законодательствѣ непремѣнно страждетъ его народность. Какъ растеніе, развиваясь изъ своего сѣмени, извлекаетъ питательное вещество изъ влаги ему чуждой, но потомъ превращаетъ ее въ свой сокъ, и такимъ способомъ образуетъ изъ себя особенный видъ существъ, и является въ недѣлимомъ образѣ: такъ и въ дѣлѣ Законодательства нужно только не рабствовать, не увлекаться подражаніемъ, но дѣйствовать посредствомъ собственной разумной силы и дать образуемому веществу видъ, сообразный съ своими особенными отношеніями, вдохнуть въ него свой духъ. Такое произведеніе всякій назоветъ собственнымъ нашимъ твореніемъ; и такимъ об-

---

заимствованы изъ примѣра другихъ государствъ. Если за тѣмъ обратимся къ подвигамъ, не относящимся непосредственно къ Законодательству: увидимъ учрежденіе флота по обученіи самаго Царя кораблестроительному дѣлу въ Голландіи, учрежденіе войска и образа сраженія по опытному наставленію враговъ—Шведовъ, и мн. др. Сколько славы неувядаемой пріобрѣлъ Петръ Великій такими подражательными дѣйствіями и такимъ заимствованіемъ,—славы, какая едва ли кому-либо досталась въ удѣлъ изъ государей тѣхъ народовъ, у коихъ онъ заимствовалъ!

разомъ дѣйствуя, наконецъ достигнемъ того, что другіе у насъ будутъ заимствовать и научаться.

Доселѣ предметъ моихъ соображеній заключался въ слѣдующемъ: я изъяснилъ единство законодательства, разсматриваемаго въ идеѣ человѣка вообще и его отношенія къ Закону Вѣчной Правды, представивъ это въ менѣе отвлеченномъ образѣ человѣка первобытнаго и его способа дѣйствованія; потомъ указалъ на причины различія законодательства одного народа отъ законодательствъ другихъ народовъ въ древнѣйшія времена извѣстной намъ исторіи человѣческаго рода, указавъ вмѣстѣ на общее взаимное отчужденіе древнихъ государствъ и народовъ; далѣе, перейдя къ другимъ, частію и нынѣ дѣйствующимъ, причинамъ различія и отчужденія между законодательствами разныхъ народовъ, показалъ, что оно должно имѣть свои предѣлы и отнюдь не простираться до безусловной противоположности, наименовавъ и то начало, которымъ должна опредѣлиться высшая возможная степень различія одного законодательства отъ другаго, или самое дальнее возможное ихъ разстояніе: наконецъ изъ этой ограниченности различія законодательствъ и изъ должнаго отношенія всѣхъ человѣческихъ законовъ къ Закону Вѣчной Правды вывелъ возможность, а приведенными примѣрами подтвердилъ и дѣйствительность заимствованія законовъ однимъ народомъ или государствомъ отъ другихъ,

или перехода законовъ изъ законодательства одного народа или государства въ законодательство другаго. А это заимствованіе, этотъ переходъ уже сами собою даютъ разумѣть, что сколь ни различны и одно другому чужды кажутся съ перваго взгляда законодательства разныхъ народовъ, между ними есть внутренняя тѣсная связь, соединеніе и какъ бы сосредоточеніе въ какомъ-то высшемъ и общемъ законѣ. Еще одинъ взглядъ на обыкновенный ходъ жизни народовъ и государствъ увѣритъ насъ въ томъ, что столь различныя въ началѣ Права или законодательства, въ постепенномъ своемъ развитіи и образованіи, почти непримѣтно, однакожь постоянно и неуклонно, стремятся ко взаимному обобщенію, къ составленію изъ себя одного цѣлаго и всеобщаго законодательства, которое бы служило чистѣйшимъ возможнымъ проявленіемъ высочайшаго Закона Вѣчной Правды во всѣхъ постановленіяхъ человѣческихъ.

Восходить отъ частнаго къ общему: это всеобъемлющій законъ человѣческихъ дѣйствій. Не предшествуютъ ли частныя впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ на органы нашихъ чувствъ составленію первыхъ и самыхъ простыхъ понятій объ этихъ предметахъ? И не подобнымъ ли образомъ восходимъ мы отъ простыхъ представленій къ понятіямъ болѣе сложнымъ, на нихъ основывая уже общія соображенія? Не такъ ли

и въ обыкновенной жизни, и въ наукахъ, сперва дѣлаемъ частные опыты и наблюденія, открываемъ частныя отдѣльныя истины, а потомъ уже, чрезъ сравненіе ихъ, совокупленіе и подчиненіе однихъ другимъ, образуемъ общія понятія и постановляемъ высшія начала? Такъ и въ области Права или законодательства: люди дѣйствуютъ во взаимныхъ отношеніяхъ семейственной и гражданской жизни, сперва не обращая вниманія на тѣ правила, которымъ они слѣдуютъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Повтореніе дѣйствій одинаковыхъ въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ непримѣтно приводитъ къ составленію общаго понятія о образѣ дѣйствованія въ томъ или другомъ опредѣленномъ случаѣ; а встрѣча, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, частныхъ дѣйствій, различныхъ отъ общаго образа дѣйствованія, служитъ естественнымъ побужденіемъ къ сравненію различныхъ дѣйствій между собою и соображенію съ самыми началами правды и справедливости, начертанными въ совѣсти каждаго, можно сказать, съ безсознательнымъ чувствомъ добра и зла, праваго и не праваго, для того, чтобъ опредѣлить нравственное или юридическое достоинство противоположныхъ дѣйствій, и постановить,— которое изъ нихъ впредь можетъ быть допущено въ подобныхъ обстоятельствахъ, и которое должно быть воспрещено. И вотъ—родится частный, опредѣленный, положительный законъ. Изъ совокупленія многихъ законовъ образуется цѣлое за-

конодательство въ извѣстномъ народѣ. Но такимъ образомъ дѣйствуетъ каждый народъ, каждое гражданское общество, каждое государство, отдѣльно отъ другихъ, само по себѣ и для себя; и мы видѣли причины, по которымъ законодательства разныхъ народовъ, особенно въ древности, болѣе или менѣе различествуютъ одно отъ другаго. Однакожь сколь бы твердыми предѣлами ни былъ одинъ народъ отдѣленъ отъ другихъ, какъ напримѣръ Ликурговы Спартанцы: онъ не можетъ во всемъ и навсегда удовольствоваться и ограничиться самимъ собою. Какъ каждаго человѣка порознь собственная его природа непреодолимо влечетъ къ сообщенію съ подобными себѣ, такъ и народъ не можетъ оставаться безъ сообщенія съ другими народами, не подвергаясь опасности повредить самому себѣ, даже унизить свое достоинство, замедляя или даже останавливая ходъ своего усовершенствованія: ибо при совершенномъ отдѣленіи отъ всѣхъ другихъ народовъ, онъ могъ бы въ теченіе многихъ вѣковъ оставаться на одной и той же незавидной степени гражданской образованности, или, что еще хуже, могъ бы вовсе одичать при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ,—такъ какъ справедливо утверждаютъ мыслители, что нѣтъ на землѣ народовъ дикихъ отъ начала, а есть только народы одичавшіе. Мнѣ почти нѣтъ нужды обращаться къ исторіи, указывать на Финикіянъ, Карѳагенцевъ, Грековъ, и приводить другіе подобные примѣры,

чтобы доказать, что тѣмъ болѣе процвѣтаютъ гражданскія общества и государства, чѣмъ чаще, многостороннѣе и живѣе ихъ сообщеніе съ другими. Мы живемъ въ такомъ государствѣ и въ такой вѣкъ, гдѣ всякій, кто только не закрываетъ и не отвращаетъ очей отъ того, что вокругъ него происходитъ, долженъ быть убѣжденъ въ этой истинѣ. А со взаимнымъ сообщеніемъ очевидно не можетъ уже совмѣститься та безусловная отдѣльность и то враждебное положеніе одного народа противъ другаго—будетъ ли то въ отношеніи къ законодательству или къ другимъ стихіямъ народной жизни—какое представляетъ намъ исторія древнѣйшихъ народовъ и государствъ, особенно управляемыхъ по началамъ языческой Ѳеократіи. Посредствомъ взаимнаго сообщенія между народами, множество понятій, бывшихъ прежде исключительною принадлежностію одного изъ нихъ, переходя теперь къ другимъ, дѣлается ихъ общею собственностію; люди сближаются между собою въ образѣ мыслей; узнаютъ, что не одинъ тотъ порядокъ вещей возможенъ или превосходенъ, какой въ ихъ странѣ существуетъ; что въ другихъ странахъ есть много учрежденій, весьма полезныхъ, которыя можно заимствовать и себѣ усвоить. Нерѣдко случается, что, сравнивъ свои учрежденія извѣстнаго рода съ чужими учрежденіями того же рода, усматриваютъ недостаточность или несовершенство первыхъ, научаясь вмѣстѣ и способу восполнить

недостатокъ или исправить несовершенство. Все сказанное здѣсь вообще имѣетъ полное приложеніе и въ частности къ законодательству и къ различнымъ учрежденіямъ, входящимъ въ область Права. Благотворное дѣйствіе законовъ, изданныхъ первоначально только для собственныхъ членовъ одного народа или государства, должно быть распространено и на иноземныхъ пришельцевъ, и неблагопріятныя имъ постановленія должны быть смягчены и замѣнены другими, ежели Законодатель желаетъ, чтобъ иноземцы пріѣзжали въ его страну и оставались въ ней болѣе или менѣе времени по дѣламъ торговли, по занятіямъ ремеслами, художествами, науками и подобнымъ, и чтобы жители его страны не испытывали непріятнаго возмездія (jus retorsionis) въ странахъ чуждыхъ; и естественно, постановленія разныхъ законодательствъ о предметахъ, прикосновенныхъ къ лицамъ сего рода и ихъ занятіямъ, должны будутъ значительно сблизиться, если только они не будутъ во многомъ единогласны. Съ принятіемъ отъ другаго народа и усвоеніемъ полезныхъ установленій, естественно принимаются и законы, которыми такія установленія опредѣлялись въ томъ народѣ,—конечно съ надлежащими измѣненіями, если того требуетъ особенное положеніе народа принимающаго. Я уже замѣтилъ, что такое принятіе чуждыхъ законовъ не составляетъ ничего унизительнаго для народа, заимствующаго ихъ, даже тогда, когда дѣло идетъ о

цѣломъ Законодательствѣ или о цѣлыхъ отдѣльныхъ частяхъ законодательства; тѣмъ менѣе можно видѣть униженія въ принятіи частныхъ полезныхъ установленій и вмѣстѣ законовъ, къ нимъ относящихся. Такъ Римляне, стяжавшіе себѣ вѣчную славу своимъ Гражданскимъ Правомъ, ни мало не стыдились,—и справедливо,—уже тогда, когда оно было въ цвѣтѣ, заимствовать изъ Греціи одно изъ важнѣйшихъ установленій сего Права, именно установленіе залога недвижимаго имущества въ особенномъ опредѣленномъ его видѣ (¹), также нѣкоторые виды письменныхъ обязательствъ (²) или, отъ жителей острова Родоса—нѣкоторыя постановленія, по части морской торговли и судоходства (³).

Вообще Римское Право представляетъ намъ и ясное доказательство необходимости постепеннаго обобщенія Правъ, особенно между различными частями одного государства, и поучительный примѣръ того способа, которымъ это обобщеніе можетъ быть приведено въ дѣйство съ наибольшею пользою какъ для разныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ одного государства, такъ и

(¹) Hypotheca Ὑποθήκη, заимствована изъ Аѳинъ, въ первый разъ Преторомъ Сервіемъ для одного частнаго случая; послѣ приведена въ видъ общаго правила.

(²) Gaji Gomment. L. III, § 128—134.

(³) Lex Rhodia de jactu.

для всего государства, взятаго въ цѣлости. Строгое Римское или Квиритское Право (jus Quiritium) первоначально предназначено было только для небольшаго числа собственныхъ гражданъ города Рима и потомъ необширной еще Римской Республики; только ихъ пользу исключительно имѣло въ виду, и потому дышало отдѣленіемъ и отчужденіемъ ихъ отъ членовъ всякаго другаго гражданскаго общества (peregrini, сначала даже hostes), бывъ притомъ облечено въ особыя строгія формы, доступныя только Римскимъ гражданамъ. Отъ того, при первой мирной встрѣчѣ съ иноземцами, при первой оказавшейся необходимости сообщенія съ ними по торговымъ и другимъ дѣламъ, Римляне увидѣли себя постановленными въ невозможность входить съ ними въ какія либо гражданскія сдѣлки, съ соблюденіемъ всей строгости своего древняго Права; и для утвержденія такихъ гражданскихъ отношеній на законномъ основаніи, для обобщенія Правъ между тою и другою стороною, необходимо было поставить особеннаго чиновника (*), который бы, въ разрѣшеніи спорныхъ случаевъ сего рода, не упуская, сколько свойство вещи того требовало, изъ вида коренныхъ положеній Права Римскаго, преимущественно руководствовался общими

(*) Praetor сперва urbanus, а вскорѣ за тѣмъ peregrinus (post aliquot deinde annos etc. Pompon. de orig. juris, fr. 2. § 28. D. I. 2.).

основными началами правды и справедливости, не связываясь положительными формами и воздавая каждому должное. Ему дана власть, по соображенію обстоятельствъ, постановлять даже предварительно правила для обсужденія подобныхъ отношеній, слѣдовательно, въ существѣ дѣла, власть постановлять законы, какихъ свойство вещи требовало. Далѣе, съ расширеніемъ предѣловъ Римскаго Государства, въ составъ его начали входить народы, имѣвшіе свои особенныя Провинціальныя Права̀. Употребленіе этихъ Правъ большею частію предоставлено было въ полной свободѣ тѣмъ изъ нихъ, которые или не хотѣли по своей волѣ принять Права собственно Римскаго, или не могли того сдѣлать, не получивъ Права Римскаго Гражданства. Но съ одной стороны, древнія строгія формы Квиритскаго Права со временемъ обветшали и одна за другою вышли изъ употребленія, сдѣлавшись слишкомъ стѣснительными и тягостными для самихъ Римскихъ гражданъ при естественно последовавшемъ размноженіи всякаго рода гражданскихъ сдѣлокъ и отношеній; и такимъ образомъ собственно Римское Право, теряя свой строгій характеръ, дѣлалось доступнымъ для большей части подданныхъ Римскаго Государства, тѣмъ болѣе что по необходимости разбирать множество дѣлъ, въ которыхъ участвовали стороны, живущія по разнымъ Правамъ, рѣшеніе ихъ на основаніи общихъ началъ правды и справедли-

вости (ex æquo et bono) вошло во всеобщее употребленіе, даже и между самими Римскими гражданами. Съ другой стороны, въ собственномъ Гражданскомъ Римскомъ Правѣ (jus civile), то есть, въ совокупности тѣхъ положеній, которыя Римскіе Юристы съ строгою логическою послѣдовательностію развивали на основаніи Закона XII Таблицъ, не содержалось правилъ на различныя гражданскія сдѣлки, которыя ясно опредѣлялись и, въ случаѣ судебнаго разбирательства, удобно рѣшались на основаніи общихъ началъ и положеній Права, всѣмъ народамъ извѣстныхъ и вездѣ употребительныхъ (*). Всѣ такія положенія, частію посредствомъ судебной практики, частію посредствомъ юридическихъ отвѣтовъ, даваемыхъ въ случаѣ сомнѣнія Правовѣдами, и посредствомъ ихъ сочиненій, привнесены постепенно въ общую систему Римскаго Права,—такъ какъ общій здравый смыслъ одинаково внушалъ оныя и ученымъ Римскимъ Правовѣдамъ, и народамъ, присоединеннымъ къ общему составу Римской Имперіи. Такимъ образомъ, само собою и по естественному порядку вещей, мало по малу совершилось сліяніе первоначальнаго собственнаго Римскаго Права, теперь Права общаго, съ Пра-

(*) Ex hoc jure gentium omnes pene contractus introducti sunt.... exceptis quibusdam (obligationibus), quae a jure civili introductæ sunt. V. § 2. J. de just. et jure, fr. 5. D. eodem.

вами частными всѣхъ областей и народовъ, которые въ теченіе вѣковъ присоединеніемъ своимъ образовали эту огромнѣйшую Имперію Древняго Міра. Общее Римское Право пріобрѣло отъ того въ своемъ объемѣ, полнотѣ и округленіи; но наибольшую, безъ всякаго сравненія, пользу получили отъ того присоединенные народы, потому что вмѣстѣ съ обобщеніемъ частныхъ законодательствъ, они мало по малу, хотя также непримѣтно, столько пріобрѣли въ Правахъ Гражданскихъ вообще, что наконецъ между ими и коренными гражданами Римскими не осталось никакого различія, и Право Гражданства сдѣлалось общимъ удѣломъ всѣхъ подданныхъ Римской Имперіи.

Но еще не доставало нравственнаго и религіознаго общенія между народами, составлявшими эту Имперію, чтобы вполнѣ довершить обобщеніе частныхъ ея законодательствъ: ибо, хотя политика и научала Римлянъ принимать большую часть боговъ побѣжденныхъ ими народовъ въ свои капища; но эти боги, лучшіе и начальнѣйшіе изъ боговъ древняго міра, были тѣ самые жалкіе, безпомощные боги, которые, по ученію Миѳологіи, изнемогали подъ бременемъ страстей, не рѣдко низкихъ и постыдныхъ, тѣ самые боги, которыхъ еще въ Гомеровой Иліадѣ видимъ, какъ они спорятъ, хитрятъ, коварствуютъ, враждуютъ между собою въ стѣнахъ и передъ стѣнами Трои,

и стремятся къ погубленію народа, противнымъ божествомъ покровительствуемаго. Еще не было того единенія между людьми, по которому мы, въ духѣ Вѣры, чтимъ въ каждомъ изъ подобныхъ намъ человѣковъ образъ Божій и всѣхъ объемлемъ братскою любовію: тамъ было еще состояніе рабовъ, въ которыхъ надменный Римлянинъ видѣлъ не лица, а вещи. Еще не было чистыхъ понятій о достоинствѣ и святости брачнаго союза: бракъ почитался такою гражданскою связью двухъ лицъ, которую каждое изъ нихъ могло во всякое время расторгнуть по произволу; самый конкубинатъ имѣлъ видъ и основаніе законнаго установленія. Даже тѣ стѣснительныя формы гражданскихъ сдѣлокъ, которыя, какъ замѣчаетъ одинъ Писатель ([1]), бывъ первоначально установлены для восполненія недостатка письменности, служили въ послѣдствіи только для замѣна недостающей честности, еще не вовсе вышли изъ употребленія ([2]). Вообще Право Квиритское—первоначальный источникъ раздѣленія и отчужденія между гражданами Римскими и всѣми прочими народами,—не было еще отмѣнено опредѣленнымъ закономъ, хотя и уподоблялось, въ самомъ дѣлѣ, тѣни безъ тѣла или безъ предмета, заключающаго

(1) Rotteck, Allg. Geschichte etc. Bd. IV, S. 370.

(2) Stipulatio употреблялось еще при Юстиніанѣ, бывъ впрочемъ обнажено отъ обрядовъ, нѣкогда его сопровождавшихъ.

въ себѣ что либо существенное. — Надлежало явиться на землѣ небесному ученію Вѣры Христіанской, этой Божественной Вѣрѣ надлежало возсѣсть на престолѣ Римской Имперіи и возобладать умами и сердцами всѣхъ ея подданныхъ. Она явилась, воцарилась, и обобщеніе Римскаго (Гражданскаго) Права довершено; и Право, образовавшееся постепенно, мало по малу, въ теченіе вѣковъ, достигло той степени совершенства, приняло тотъ видъ и тѣ качества, которыя доставили ему, въ полѣдствіи времени, общій входъ и употребленіе почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ; и это Право, явивъ собою прекрасный примѣръ обобщенія различныхъ правъ между частями одного государства въ древнемъ мірѣ, являетъ намъ нынѣ еще болѣе разительный примѣръ общенія правъ даже между такими народами, которые не связаны другъ съ другомъ ни единствомъ происхожденія и сродствомъ племенъ, ни соединеніемъ въ одно государство (*).

Послѣ столь многообъемлющаго примѣра общности Правъ или законодательствъ въ разныхъ государствахъ, надобно ли еще указывать на дру-

(*) Почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ Римское Право имѣетъ большее или меньшее употребленіе, или оставаясь въ томъ видѣ, какой ему данъ Императоромъ Юстиніаномъ, или перешедши въ Гражданскія Уложенія, составленныя въ позднѣйшее время.

гую систему законодательства, которой положенія по части Права Гражданскаго получили также обширное употребленіе во многихъ государствахъ западной Европы? Я разумѣю Каноническое Право Западной Церкви, не потерявшее, въ этомъ отношеніи своей силы и доселѣ, даже въ тѣхъ гражданскихъ обществахъ, которыя Вѣроисповѣданіемъ отдѣлились отъ Римской Церкви,—не смотря на то, что это Право весь свой вѣсъ и все вліяніе заимствовало первоначально отъ духовной власти главы Западной Церкви. Нужно ли еще слѣдить во множествѣ подробностей тѣ законоположенія, которыя почти безъ всякаго различія странъ и государствъ, имѣютъ общую силу и равное употребленіе у всѣхъ образованныхъ народовъ стараго и новаго свѣта, поколику они состоятъ во взаимныхъ между собою сношеніяхъ? Я разумѣю многія, весьма важныя статьи законодательства по части торговли; напримѣръ Уставъ о торговой несостоятельности, Коммерческое судопроизводство, учрежденіе Консульствъ и всѣ договоры, обязательства и установленія, относящіяся къ торговому судоходству или купеческому мореплаванію. Сюда же можно отнести законы, опредѣляющіе производство дѣлъ по застрахованіямъ разныхъ родовъ, и другіе.

Такъ исполняются предвѣчныя судьбы: и средостѣніе, раздѣлявшее нѣкогда народы, разрушается; и народы, прежде чуждые подаютъ себѣ

взаимно дружескую, братскую руку, какъ члены одного великаго семейства, какъ дѣти одного Отца небеснаго; и предчувствіе мудрецовъ древняго міра, видѣвшихъ и сознававшихъ несовершенство и недостаточность своихъ отдѣльныхъ гражданскихъ установленій, своихъ частныхъ законодательствъ, и ожидавшихъ одного общаго Закона Вѣчной Правды, мало по малу осуществляется! «Не будетъ»—такъ почти говоритъ одинъ изъ сихъ мудрецовъ, вмѣстѣ и превосходный Правовѣдецъ Римскій—«не будетъ мѣста различнымъ законамъ: одному въ Римѣ, другому въ Аѳинахъ; но у всѣхъ народовъ и для всѣхъ временъ, воцарится одинъ Законъ вѣчный и неизмѣнный, и единъ будетъ Закона сего Творецъ и Истолкователь, Верховный всѣхъ Владыка—Богъ (*)».

Если таковъ естественный ходъ постепеннаго образованія законодательствъ въ государствахъ, отдѣльныхъ одно отъ другаго; если таковъ всемощный духъ высочайшаго Закона Вѣчной Правды, свѣвающій бренныя формы, изобрѣтенныя ограниченною человѣческою мудростію и нерѣдко

(*) Nec erit alia lex Romae, alia Athenis, alia nunc, alia posthac; sed et omnes gentes, et omni tempore, una lex et sempiterna et immutabilis continebit, unusque erit communis quasi Magister et Imperator omnium Deus; ille legis hujus inventor, disceptator, lator. Cic. de republ. L. III, c. XXII. Cfr. Lactant. Instit. L. VI, c. 8.

сокрывавшія отъ испытующихъ взоровъ чистый ликъ истиннаго Права и справедливости, — разрушающій преграды, поставленныя различіемъ законодательствъ взаимному общенію между народами чуждыми, и возводящій законодательства отдаленнѣйшихъ странъ свѣта къ своимъ всеобщимъ началамъ, коихъ приложеніе повсемѣстно и сила равна для всѣхъ гражданскихъ обществъ, сколь бы ни разнообразное они имѣли устроеніе: что же сказать объ особенныхъ Законодательствахъ, дѣйствующихъ въ той или другой части одного государства, если обратимъ вниманіе на отношенія ихъ къ общему того государства законодательству? Не въ большей ли мѣрѣ здѣсь должны имѣть мѣсто общеніе и единство законовъ? Все, сказанное въ семъ отношеніи о законодательствахъ разныхъ народовъ и государствъ, тѣмъ болѣе имѣетъ приложенія къ особеннымъ законамъ разныхъ областей одного государства, что такія области вообще состоятъ въ тѣснѣйшей связи и неисчислимыхъ соприкосновеніяхъ съ государствомъ, относясь къ нему, какъ части къ своему цѣлому. Да и самое понятіе государства необходимо ведетъ къ тому же заключенію. Не принадлежитъ ли къ существу благоустроеннаго государства тѣснѣйшій союзъ, твердѣйшее соединеніе между его членами? А полное, совершенное соединеніе необходимо предполагаетъ подчиненіе всѣхъ соединенныхъ подъ владычество одного общаго закона, и недостатокъ единства зако-

новъ, къ какой бы отдѣльной области Права они ни относились, есть уже по тому самому болѣе или менѣе значительный недостатокъ единства въ государствѣ, — во всецѣломъ бытѣ гражданскаго общества, состоящаго подъ одною Верховною Властію. Государство должно составлять одно нераздѣльное органическое тѣло; всѣ члены его должны быть оживотворены, проникнуты, объяты однимъ духомъ. Тамъ есть истинное и полное единство въ государствѣ, по отношенію къ Праву или законодательству, тамъ достигаетъ оно высочайшей степени, гдѣ всѣ члены государства дышатъ равною любовію къ одному общему закону, имѣющему своею цѣлію общее для всѣхъ и каждаго благо; гдѣ всѣ имѣютъ одинаковый образъ мыслей о предметахъ законодательства, до всѣхъ и каждаго касающихся; гдѣ всѣ имѣютъ одинакія желанія, одно стремленіе, одну волю непоколебимую, чтобъ единый всеобщій законъ (*) былъ всѣми свято чтимъ и ненарушимо соблю-

(*) Подъ однимъ общимъ закономъ не разумѣется здѣсь такое законодательство, которое бы на каждый отдѣльный случай гражданской жизни содержало одно правило, обязывающее всѣхъ безъ изъятія подданныхъ въ государствѣ. Напротивъ, въ общемъ законодательствѣ могутъ заключаться и дѣйствительно заключаются, какъ общія постановленія для цѣлаго государства, такъ и тѣ изъ нихъ изъятія, которыхъ требуютъ особенныя обстоятельства и отношенія или извѣстнаго рода недѣлимыхъ лицъ, или извѣстныхъ сословій и обществъ, или наконецъ цѣлой области или многихъ обла-

даемъ; гдѣ и тѣ нравы и обычаи, которыхъ законъ не опредѣляетъ положительными правилами, предоставляя образованіе ихъ частію общему, естественному развитію народной жизни, частію особеннымъ обстоятельствамъ времени и мѣста, имѣютъ въ главнѣйшихъ своихъ очеркахъ большее или меньшее приближеніе къ духу общаго закона, одно основаніе—въ общемъ бытѣ народномъ, одинаковое нравственное значеніе и одно совокупное направленіе къ высшей цѣли,—къ достиженію, по указанію закона и подъ его руководствомъ, на всѣхъ многоразличныхъ путяхъ, единаго и тождественнаго, общаго и частнаго, блага. Такое единство законовъ не во всякомъ государствѣ является на самомъ дѣлѣ, но по своей идеѣ, по самому простому и вмѣстѣ возвышенному понятію о его существѣ, составляетъ дѣйствительную, важную для него потребность, которую оно постепенно должно удовлетворить. Истина сего положенія вообще неоспорима, и изъятія изъ него, по какой бы то ни было части Законовъ Государственныхъ, всегда были и будутъ болѣе или менѣе несовмѣстны съ общимъ благомъ государства. Въ Правѣ собственно Гражданскомъ или Частномъ, могутъ они имѣть мѣсто только потому, что Законы Гражданскіе имѣютъ непосредствен-

---

стей, составляющихъ часть государства. Множество примѣровъ сего можно найти едва ли не въ каждомъ томѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи.

нымъ своимъ предметомъ права и обязанности частныхъ лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Однакожь предоставить той или другой области въ государствѣ какую бы то ни было часть законодательной дѣятельности, хотя бъ это было только по отношенію къ одному Гражданскому Праву, отдѣливъ ее отъ общей законодательной власти, значило бы дѣйствовать вопреки государственному единству (*). Одинъ взглядъ на прежде-бывшую Нѣмецкую Имперію можетъ достаточно убѣдить въ этой истинѣ. Здѣсь не мѣсто раскрывать всѣ тѣ причины, которыя съ различныхъ сторонъ болѣе или менѣе открыто и съ большею или меньшею силою, дѣйствовали на ослабленіе союза, соединявшаго всѣ области Германіи въ одно политическое тѣло. Но то несомнѣнно, что одна изъ такихъ причинъ, дѣйствовавшихъ хотя непримѣтно и повидимому весьма отдаленно, однакожь съ чрезвычайною силою, было совершенное взаимное отдѣленіе множества мелкихъ частей,

(*) См. жалов. грам. Дворянству Княж Лифляндіи 1710, Сент. 30: .....«привилегіи..... статуты..... (елико оныя къ нынѣшнему Правительству и времени приличаются)..... подтверждаемъ.....; однакожъ Наше и Нашихъ Государствъ Высочество и права предоставляя безъ предосужденія и вреда». 1827 г. Февр. 9, жалов. грам. Лифл. Дворянству:..... «дозволяя всѣми сими правами, преимуществами и привилегіями, елико сообразны онѣ съ общими Государства Нашего установленіями и законами, свободно пользоваться». См. другія, въ тотъ же день данныя, жалованныя грамоты.

изъ которыхъ состояло это государство, по отношенію къ законодательству гражданскому. Ни отъ какого другаго рода дѣятельности не была столь устранена Верховная власть государственная. Отъ древнихъ временъ самыя мелкія части гражданскаго общества, каковы города и даже нѣкоторыя села и деревни, старались, на перерывъ одни передъ другими, пріобрѣсти право давать себѣ законы (αὐτονόμια), т. е. не только собирать и хранить, сперва посредствомъ изустнаго преданія, послѣ посредствомъ означенія письменами, свои древніе обычаи и какимъ бы то ни было образомъ составившіяся правила, преимущественно о предметахъ гражданскаго права, но и восполнять ихъ, въ случаѣ недостаточности прежнихъ, новыми постановленіями, самоизобрѣтенными (Willkühren) или принятыми отъ другихъ подобныхъ обществъ (Stadtrechte) по своему произволу. Скоро образовалось несчетное множество общинъ, которыя, имѣя свое особенное право и свои суды, чрезъ то самое отчуждались болѣе или менѣе отъ всѣхъ другихъ,—тѣмъ паче, что подъ вліяніемъ Гражданскаго Права обыкновенно образуются и многіе значительные обычаи, относящіеся къ гражданской жизни, и эти обычаи естественно принимали здѣсь тотъ же характеръ отчужденія. Правда, Римское Право нашло общій входъ въ Нѣмецкую Имперію; но назначеніе предѣловъ, въ которыхъ оно въ каждой изъ этихъ общинъ должно было дѣйствовать, и самаго спо-

соба употребленія его положеній, зависѣло отъ тѣхъ же общинъ, и обыкновенно ему усвоялась только вспомогательная сила. Въ послѣдствіи времени, Имперскіе чины, по своимъ особеннымъ видамъ, старались одинъ за другимъ вымолить себѣ у Императора право окончательнаго рѣшенія всѣхъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ безъ переноса въ Имперскія судебныя мѣста (privilegium de non appelando). Съ уничтоженіемъ этой послѣдней связи, напоминавшей еще Германцу, въ дѣлахъ и отношеніяхъ гражданской жизни, его принадлежность къ имперіи, мысль о общемъ отечествѣ и союзѣ государственномъ пришла въ забвеніе (*); мелочная, корыстная привязанность къ своему особому городу или области заступила мѣсто охладѣвшаго патріотизма. Мало того: это охладѣніе позволило другимъ неблагопріятнымъ отношеніямъ породить даже непріязнь и зависть между единоплеменными жителями разныхъ областей; и когда ненасытный завоеватель, поправшій всѣ права народныя, принесъ съ запада цѣпи рабства народамъ и ихъ владыкамъ, одни изъ этихъ единоплеменниковъ равнодушно смотрѣли, какъ онъ облагалъ ими другихъ,—не предвидѣвъ, что эти цѣпи предназначены были для всѣхъ совокупно. Когда же кроткій и великодушный побѣди-

(*) Въ этомъ, какъ неестественномъ и болѣзненномъ состояніи частей государства, сознается и Савиньи въ своемъ сочиненіи: Vom Berufe unserer Zeit u. s. w. S. 42.

тель возмутителя спокойствія всей Европы,— Монархъ, благословенный Богомъ, возлюбленный народамъ, не своимъ только но и чуждымъ, Тотъ, чье имя изображено въ сердцѣ каждаго изъ насъ яркими чертами благоговѣнія и признательности, —когда Онъ, не удовольствовавшись тѣмъ, чтобы сгладить вражескія полчища съ лица нашего Отечества, рѣшился освободить Германію отъ ига, ее угнетавшаго: тогда въ этомъ народѣ, сильномъ своимъ соединеніемъ, ослабѣвшемъ и угнетенномъ при своемъ раздѣленіи, послышался голосъ одного просвѣщеннаго и благомыслящаго человѣка, для возобновленія и укрѣпленія связи, нѣкогда соединявшей сей народъ въ одно твердое политическое тѣло, призывающій къ составленію общаго для всѣхъ народовъ Германскихъ, гражданскаго уложенія ([1]), какъ одному изъ самыхъ вѣрныхъ способовъ оживить духъ народности и единства: ибо не льзя было не чувствовать, сколь много къ гибельному его ослабленію содѣйствовало между прочимъ чрезвычайное до излишества разнообразіе Правъ Гражданскихъ въ Германіи. Но на такой вызовъ послѣдовалъ съ другой стороны совершенно противный отзывъ ([2]): и эта сторона, по причинамъ, которыя излагать здѣсь было бы неумѣстно, одержала довольно рѣши-

([1]) Thibaut, Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland. Heidelb. 1814.

([2]) Savigny, Vom Berufe etc. см. выше).

тельный перевѣсъ надъ другою. Конечно, на этотъ разъ призываніе къ такому труду могло показаться несвоевременнымъ уже потому, что прежняя Нѣмецкая Имперія задолго предъ тѣмъ распалась на части и болѣе не существовала.

Болѣе утѣшительный примѣръ въ этомъ отношеніи являетъ Отечественная Исторія. Не представлялось ли и въ нашемъ Отечествѣ поводовъ къ разъединенію въ тѣ отдаленныя времена, когда Законъ писанный былъ весьма не обширенъ, и можетъ быть не обращался во всѣхъ, и тогда уже далекихъ одинъ отъ другаго, предѣлахъ Россійскаго Государства,—когда по тому самому множество гражданскихъ отношеній, опредѣляемыхъ теперь съ точностію Закономъ писаннымъ, предоставлены были руководству добрыхъ обычаевъ и сужденію здраваго смысла судей,—когда политическое единство Россіи уменьшилось и власть Велико-княжеская ослабѣла, сперва чрезъ раздѣленіе государства на Удѣлы и чрезъ раздоры Князей Удѣльныхъ, потомъ чрезъ владычество Азіатскихъ варваровъ,—когда власть судебная въ каждомъ Удѣльномъ Княженіи была отдѣльна отъ другихъ и независима? Однакожь, не смотря на всѣ эти обстоятельства, столь неблагопріятныя для единства въ Правѣ, оно не потерпѣло ущерба. И при скудости обнародованныхъ прежде историческихъ памятниковъ, относящихся къ законодательству этого періода нашей

исторіи, можно было заключать съ вѣроятностію, а при распространяющемся нынѣ кругѣ свѣдѣній о семъ предметѣ, становится несомнѣнно достовѣрнымъ, что народъ Русскій никогда не раздѣлялся на части, чуждыя одна другой въ законодательномъ отношеніи, но постоянно сохранилъ одно общее Право. И безъ сомнѣнія, этотъ духъ общенія и единства въ столь важномъ элементѣ жизни народной значительно облегчилъ съ своей стороны соединеніе полураспавшихся частей государства въ одно твердое цѣлое, которое въ послѣдствіи времени, при содѣйствіи того же духа, возрасло до настоящей своей крѣпости и величія.

Что вообще народы новаго, Христіанскаго міра имѣютъ рѣшительную наклонность къ образованію Законодательства, особенно Гражданскаго, по началамъ всеобщности: въ этомъ согласны не только тѣ Правовѣды, которые въ постепенномъ восхожденіи Права къ началамъ всеобщимъ видятъ превосходство Правъ новѣйшихъ предъ всѣми почти древними, но и тѣ, которые имѣютъ несходный съ ними образъ сужденія о семъ предметѣ. Какъ бы то ни было, потребность общаго Законодательства для каждаго государства, разсматриваемаго какъ одно цѣлое, всегда остается ощутительною, и люди благомыслящіе не стыдятся сознавать ее. Такъ, правительства отдѣльныхъ государствъ

Германскихъ давно уже сознавали ее, когда съ величайшими усиліями, съ напряженною дѣятельностію, составляли Общія Уложенія, наприм. въ Пруссіи, въ Австріи; подданные сихъ государствъ сознавали ее, когда принимали составленныя Уложенія съ признательностію, охотно замѣняя ими скудные частные статуты, слишкомъ устарѣвшіе для настоящаго вѣка. И какъ не сознавать этой потребности! Она тождественна со всегдашнею потребностію новой, не престающей дѣятельности законодательной власти въ государствѣ; а въ сей послѣдней не можетъ быть сомнѣнія потому, что общій, обыкновенный ходъ вещей въ государствѣ не останавливается ни на минуту: оно живетъ и дѣйствуетъ, и, дѣйствуя непрестанно, быстро стремится впередъ на пути образованія и усовершенія гражданской жизни; новыя потребности родятся и требуютъ новыхъ средствъ для своего удовлетворенія, расширяя тѣмъ самымъ кругъ общей дѣятельности; устарѣвшія и несообразныя съ духомъ времени привычки принимаютъ лучшій видъ, или замѣняются новыми; самый образъ сужденія о разныхъ предметахъ измѣняется, и установленія, которыя прежде казались совершенными, послѣ представляются иногда столь недостаточными, даже столь ложными, что нерѣдко потомкамъ немалаго труда стоитъ постигнуть, какимъ образомъ предки могли допустить ихъ, съ ними сдружиться, подъ

ихъ вліяніемъ жить и дѣйствовать. Обратимся еще разъ къ минувшимъ вѣкамъ Законодательствъ Европейскихъ. Тамъ увидимъ жестокое преслѣдованіе колдовства и чернокнижія,—не рѣдко въ законномъ видѣ формальнаго судопроизводства (*); увидимъ судебные поединки (поле), раскаленное желѣзо, кипящую воду и другія подобныя доказательства, въ дѣлахъ судебныхъ, невинности одной стороны и виновности другой, извѣстныя въ Германіи подъ именемъ ордалій, также суда Божія или суда небеснаго,—долго и у насъ бывшія въ силѣ и дѣйствіи,—хотя наше достойное Духовенство не переставало ревновать противъ ихъ употребленія, лишая Христіанскаго погребенія павшихъ въ безсмысленномъ боѣ. Увидимъ Законы Уголовные, не обращавшіе вниманія на нравственность и волю человѣка виновнаго въ преступленіи, не полагавшіе различія между преступленіемъ умышленнымъ, неосторожнымъ и случайнымъ, и угрожавшіе всѣмъ равнымъ наказаніемъ, состоящимъ въ денежныхъ взысканіяхъ (вира, Wergeld). Есть много другихъ установленій, особенно въ гражданской жизни, не противорѣчащихъ такъ явно чистымъ началамъ правды и

(*) Таковы извѣстные Hexenprocesse въ Германіи. Напротивъ въ Учр. для управл. Губ. Всеросс. Имперіи 1775. Нояб. 7, ст. 399, о подобномъ предметѣ, являются черты кроткаго духа и просвѣщенія, коими дышатъ всѣ постановленія нашей мудрой Законодательницы.

справедливости, даже сообразныхъ болѣе или менѣе съ общимъ гражданскимъ бытомъ того вѣка, когда они образовались; но которыя, по всеобщему закону измѣняемости всего подлуннаго, обветшавъ и сдѣлавшись неудобными въ существующемъ новомъ порядкѣ вещей, сами собою выходятъ изъ употребленія, такъ что вмѣстѣ съ ними, естественно, и законы, ихъ опредѣлявшіе, даже цѣлыя части законодательства, теряютъ свою жизнь и дѣйствующую силу, и со временемъ забываются. Когда Малороссія присоединилась къ Россійскому Государству, ей предоставлено было свободное употребленіе особенныхъ Правъ, имѣвшихъ тамъ силу въ прежнее время [1]. Въ числѣ источниковъ Права Гражданскаго, которымъ тогда пользовались городскіе обыватели этой страны, находились Права Магдебургскія и Саксонскіе Статуты [2]. Государи Россійскіе прилагали попеченіе, чтобы жителямъ Малороссіи доставить способы извлекать всю возможную пользу изъ употребленія ихъ особеннаго Права. Въ первой половинѣ прошедшаго вѣка сдѣланы были распоряженія [3] о переводѣ

---

(1) См. жалов. грам. 1654, Марта 27 и Іюля 16; 1665, Ноября 29. и друг.

(2) См. тѣ же грамоты и приведенныя засимъ узаконенія.

(3) Рѣшеніе, учиненное по Его Император. Величества Указу въ Тайномъ Совѣтѣ и пр. 1728, Авгус. 22, п. 20. Имен. Ук. 1734, Авгус. 8, п. 3.

этихъ Правъ на общепонятный языкъ, о сличеніи названныхъ двухъ источниковъ съ Литовскимъ Статутомъ, равномѣрно дѣйствующимъ въ Малороссіи, и о составленіи «Свода» изъ трехъ Правъ въ одно, съ разрѣшеніемъ сомнительныхъ случаевъ, съ сокращеніемъ и прибавленіемъ того, что можетъ послужить въ пользу Малороссійскаго народа. Для совершенія сего труда избраны были 12 депутатовъ изъ среды Малороссійскаго народа. Въ послѣдствіи времени, гдѣ ни встрѣчаются общія законодательныя соображенія о предметахъ гражданскихъ отношеній между жителями Малороссіи, всегда упоминается о тѣхъ же источникахъ особенныхъ Правъ Малороссійскихъ, и они оставляются неприкосновенными ([1]). Еще не прошло цѣлое столѣтіе со времени тѣхъ распоряженій о переводѣ и сводѣ Правъ Магдебургскихъ съ другими, когда родилась одна тяжба, которую должно было рѣшить по Магдебургскому Праву, и — какъ долженъ изумиться наблюдательный законовѣдецъ, усматривая изъ дѣлопроизводства по этой тяжбѣ ([2]), что не только Право Магдебургское въ Малороссіи съ давнихъ уже лѣтъ оставлено въ бездѣйствіи, бывъ замѣняемо въ рѣшеніи дѣлъ отчасти Литовскимъ Статутомъ, отчасти общими

([1]) На прим. въ Имен. Ук. 1767, Декаб. 11; 1891, Окт. 26 и др.
([2]) См. Полож. Комит. Мин. 1831, Февр. 3.

Россійскими законами, но и ни въ одномъ изъ судебныхъ мѣстъ цѣлой губерніи (Полтавской), въ которой родилась та тяжба, неимѣется книгъ сего Права! Но для насъ такое явленіе объясняется просто и легко, когда къ сказанному предъ симъ присовокупимъ, что вообще всякая часть государства, пользующаяся особенными, мѣстными законами, всегда состоитъ подъ вліяніемъ безчисленнаго множества причинъ и обстоятельствъ, равно дѣйствующихъ на нее, какъ и на прочую массу государственнаго состава, и слѣдственно приводящихъ ее въ одинаковое съ сею послѣднею положеніе, которое необходимо влечетъ за собою постепенное распространеніе на нее дѣйствія общихъ законовъ того государства; что если и допустимъ дѣйствіе закона такъ называемаго органическаго развитія Права изъ жизни народной, по которому всякое важное событіе въ исторіи народа вообще должно имѣть вліяніе и на его Право, опредѣляя его характеръ и направленіе, то присоединеніе извѣстной области къ государству, отъ котораго она была дотолѣ отдѣлена, не можетъ дать инаго направленія особенному Праву такой области, кромѣ направленія къ постепенному соединенію съ общимъ законодательствомъ того государства; что собственная польза каждой части государства требуетъ не отставать отъ общаго въ немъ хода и порядка вещей, а это необходимо предполагаетъ постепенное соединеніе особенныхъ ея законовъ съ

общимъ въ государствѣ законодательствомъ; такъ какъ особенные законы необходимо остаются навсегда въ томъ положеніи и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ однажды допущено ихъ дѣйствіе, и, не содержа въ себѣ внутренней силы дальнѣйшаго развитія изъ собственныхъ началъ, тѣмъ самымъ лишены возможности усовершенствованія, и слѣдственно съ каждымъ годомъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ, отстаютъ отъ своего вѣка, безпрестанно раждающаго новыя потребности жизни гражданской и вмѣстѣ нужду въ новыхъ узаконеніяхъ; такъ какъ напротивъ одно общее законодательство не останавливается неподвижно на какомъ-нибудь минувшемъ пунктѣ времени, но неуклонно идетъ впередъ равными шагами съ духомъ всякаго времени, съ нимъ соображается и съ измѣненіемъ его само обновляется; такъ какъ оно одно опредѣляетъ права и обязанности, возникающія изъ гражданскихъ отношеній, которыя вновь образуются непрестанно одно за другимъ, и на которыя по тому самому въ старыхъ Правахъ не было и быть не можетъ требуемыхъ постановленій.

Нынѣ, наше попечительное Правительство ревностно заботится о томъ, чтобы дать мѣстнымъ Правамъ разныхъ частей государства опредѣленность, могущую предупредить случаи, подобные тому, который мы видѣли въ приведенномъ примѣрѣ; и въ благородномъ стремленіи къ достиженію

сей цѣли не щадить ни усилій, ни пожертвованій. Но и отъ такихъ усилій тогда только можно будетъ ожидать полнаго успѣха и плодовъ вожделѣнныхъ для областей, пользующихся особенными законами, когда самые сіи законы не останутся въ отчужденіи отъ законовъ общихъ, когда постоянною цѣлію ихъ направленія будетъ соединеніе съ общими законами въ одно нераздѣльное, великое цѣлое. И въ этомъ направленіи не только не содержится ничего умаляющаго законы частные, но напротивъ только въ немъ можетъ сохраниться и уцѣлѣть отъ уничтоженія жизненное ихъ начало, и только посредствомъ его можетъ быть достигнута ими высочайшая цѣль, къ которой должно стремится всякое законодательство; такъ какъ съ другой стороны, общее законодательство ни мало себя не унижаетъ, принимая въ свой составъ полезныя правила, заключающіяся въ законахъ частныхъ и такимъ образомъ восполняя себя и усовершая, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяя кругъ своего дѣйствія до степени всеобщаго и повсемственнаго приложенія содержащихся въ немъ постановленій. Во всякомъ случаѣ, цѣлое, образующееся чрезъ соединеніе общихъ законовъ съ частными, будетъ всегда болѣе и болѣе приблизительнымъ выраженіемъ высочайшаго Закона Вѣчной Правды, въ его приложеніи къ человѣческимъ дѣйствіямъ. Такъ малые ручьи, сливаясь одинъ съ другимъ, образуютъ и усиливаютъ величественную рѣку, на-

поющую страны многочисленныхъ народовъ, и несущую обильныя воды въ вѣчный океанъ, никогда не изсякающій, никогда не преполняемый. И какъ всѣ рѣки текутъ въ море, а море не насыщается: такъ народы и государства будутъ жить и дѣйствовать, и каждый въ своемъ образѣ дѣйствій проявлять, болѣе или менѣе приблизительно Вѣчный Законъ Божественной Правды, хотя его полное и совершенное существованіе возможно только въ царствѣ вѣчности, въ этомъ царствѣ, въ которомъ должны нѣкогда соединиться всѣ народы, какъ воды всѣхъ рѣкъ земныхъ соединяются въ океанѣ. Тамъ уже, несомнѣнно, въ совершеннѣйшей силѣ и полнѣйшемъ дѣйствіи, срѣтятся судъ и истина, тамъ правда и миръ облобызаются!

Не имѣя возможности входить въ подробное сужденіе, на основаніи изложенныхъ мною началъ, о дѣйствительномъ направленіи того или другаго изъ мѣстныхъ Правъ Южныхъ и Западныхъ краевъ обширной Россійской Имперіи, я брошу взглядъ только на тѣ страны, хотя и подвластныя ея Престолу, наравнѣ со всѣми прочими ея подданными, но въ которыхъ развитіе и образованіе Гражданскаго Права по видимому исключительно предоставлено отдѣльной жизни народовъ тамъ обитающихъ. Таковы необозримыя степи, частію прилежащія къ Юговосточнымъ Губерніямъ и Областямъ Россіи, частію въ нихъ

заключающіяся; таковы тундры и лѣса неизмѣримые, занимающіе обширную полосу земли вдоль береговъ Ледовитаго моря: тѣ и другіе населены разноплеменными народами не Русской крови, почти не имѣющими постоянной осѣдлости, отличными отъ прочихъ обитателей Россійскаго государства ([1]) и образомъ своего пропитанія, и грубою простотою нравовъ, и особенностію своихъ обычаевъ, и языкомъ и религіею, вообще стоящими на низшихъ степеняхъ гражданскаго образованія. Тамъ всѣ спорныя дѣла гражданскія разбираются и рѣшаются по особеннымъ, родовымъ и степнымъ обычаямъ тѣхъ народовъ ([2]); даже многія дѣла, въ которыхъ всякій другой судится по законамъ Уголовнымъ, тамъ изъяты отъ уголовнаго преслѣдованія, разбираются порядкомъ дѣлъ исковыхъ и рѣшатся на основаніи тѣхъ же обычаевъ ([3]). Но что изъ того слѣдуетъ? Проведена ли чрезъ то такая рѣзкая черта раздѣленія между сими обычаями и законами общими, которая бы не допускала никакой связи между ними, которая бы самую

([1]) Т. II. Учр. (Губ.). ст. 3084. Ср. Уст. управл. Мезенск. Самоѣд. 1835, Апрѣля 8, § 77.

([2]) См. Т. II. Учр. ст. 3468, 3471, 3619. Ср. 3023, 3031, 3088. Полож. объ управл. Калмыцк. народ. и пр. 1835, Нояб. 24. § 100, 161. Уст. упр. Мез. Самоѣд. § 12, 144.

([3]) См. Т. II. Учр. ст. 3048, примѣч. ст. 3459. Ср. Уст. упр. Мез. Самоѣд. § 14.

надежду будущаго соединенія однихъ съ другими дѣлала невозможною? Нѣтъ! Напротивъ, много есть сторонъ, въ которыхъ одни съ другими и теперь имѣютъ соприкосновеніе, и въ послѣдствіи еще болѣе будутъ сближаться. Во-первыхъ, законы общіе постановляютъ извѣстные предѣлы, далѣе которыхъ дѣйствіе степныхъ обычаевъ простираться не можетъ (1); во-вторыхъ, за исключеніемъ тѣхъ отношеній гражданской жизни, которыя точными словами закона предоставлены руководству мѣстныхъ обычаевъ, всѣ прочіе предметы, особенно принадлежащіе собственно къ государственному Праву, впрочемъ взятому въ обширномъ смыслѣ, опредѣляются законами общими, коихъ духъ, по тому самому, долженъ постепенно проникать и въ обычаи народные, и не можетъ допустить въ нихъ ничего, прямо несовмѣстнаго съ основными началами общаго законодательства (2); въ-третьихъ, о обычаяхъ многихъ народовъ именно постановлено, да и о всѣхъ прочихъ само собою разумѣется, что гдѣ они не-

(1) Т. II. Учр. ст. 3048, 3464, 3537, 3624, 3631, 3653 и др. Пол. о упр. Калм. народ. § 96, 114, 119, 141, 164. Уст. упр. Мез. Сам. § 11 и 49.

(2) См. предъид. узак.; также Т. II. Учр. ст. 3102. Пол. о упр. Калм. народ. и пр. § 100, 160, 163. Уст. упр. Мез. Самоѣд. § 11 и 23, 13, 15, 106, 141. Ср. Пол. о разборѣ исковъ по обязат., заключ. между Сибирск. обыват. разн. сословій, 1822 Іюля 22 (въ прилож. V къ Т. II. Учр.), и такое же полож. для Мезен. Самоѣд. 1835, Апр. 18.

достаточны для рѣшенія спорныхъ дѣлъ, тамъ должны быть восполняемы правилами, почерпнутыми изъ общаго законодательства ([1]); наконецъ должно помнить, что самая степень гражданскаго образованія этихъ народовъ не есть вѣчно неизмѣняемая; что напротивъ рано или поздно они должны взойти, какъ и дѣйствительно восходятъ мало по малу, хотя весьма медленно и по частямъ, на другія высшія степени гражданской жизни ([2]), и слѣдовательно вступить въ новыя гражданскія связи и отношенія, доселѣ имъ неизвѣстныя, на которыя потому и въ обычаяхъ ихъ нѣтъ никакихъ правилъ и постановленій, и которыя необходимо должны будутъ опредѣляться законами общими. Такимъ образомъ не можетъ быть сомнѣнія, что и здѣсь единство частнаго съ общимъ по отношенію къ законодательству соблюдается точно, и будетъ соблюдено неизмѣнно.

Таковъ мой образъ воззрѣнія на отношеніе между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ. Мнѣ остается изложить въ немногихъ словахъ мои мысли объ отношеніи между тѣмъ и другимъ въ законовѣдѣніи.

([1]) См. Пол. о упр. Калм. народ. § 100, 161, 163. Уст. упр. Мез. Самоѣд. § 41.

([2]) Т. Учр. ст. 3621, также 3048, 3459. Уст. упр. Мез. Самоѣд. § 2 и 14. Ср. Т. II Учр. ст. 3689 съ Пол. о упр. Калм. народ. § 163 и слѣд.

Здѣсь особенно важно не упускать изъ вида, что законовѣдѣніе, по самому своему понятію или по существу вещи, всегда послѣдуетъ за законодательствомъ, и никогда ему не предшествуетъ; что законъ необходимо долженъ быть данъ прежде, нежели начнутъ познавать и изучать его, какого бы рода ни было это познаніе, теоретическое или практическое, философское или историческое; что слѣдовательно тѣ, которые утверждаютъ, что Право развивается сперва въ сознаніи народа, а потомъ переходитъ въ сознаніе Юристовъ и въ немъ далѣе образуется, смѣшиваютъ законовѣдѣніе съ законодательствомъ и законовѣдцевъ съ законодателями. Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что познаніе законовъ у всякаго народа обыкновенно пріобрѣтается сначала посредствомъ одной судебной практики, равно какъ и въ томъ, что такое познаніе законовъ недостаточно, не наполняетъ еще всей области законовѣдѣнія, что ему недостаетъ цѣлой половины — законовѣдѣнія теоретическаго, которое, по естественному порядку вещей, возникаетъ уже въ послѣдствіи времени. Въ немъ-то заключается тотъ животворный духъ, который вдыхаетъ жизнь въ прежній хаосъ законныхъ положеній, и изъ нестройной массы этихъ веществъ, взгроможденныхъ безъ всякаго порядка, созидаетъ стройное, соразмѣрное въ своихъ частяхъ, дышащее единствомъ, цѣлое. Построеніе такой системы Права изъ всѣхъ различныхъ законодательствъ, которыя существовали или существуютъ у раз-

ныхъ отдѣльныхъ, по крайней мѣрѣ, извѣстнѣйшихъ въ этомъ отношеніи народовъ есть дѣло, доселѣ никѣмъ еще неиспытанное (*). Обыкновенно ограничиваются изученіемъ того или другаго законодательства отдѣльно,—хотя на извѣстной степени юридическаго образованія начинаютъ чувствовать, что эти предѣлы уже тѣсны для любознательнаго духа, и особенно неудовлетворительны въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о дальнѣйшихъ законодательныхъ соображеніяхъ. Но тамъ, гдѣ какая-либо часть государства пользуется законами особенными, сверхъ общихъ, дѣйствующихъ въ цѣломъ государствѣ, соединеніе того и другаго Законодательства, при изученіи

(*) Изъ опытовъ приготовительныхъ въ подобномъ родѣ, можно указать на трудъ Пасторе, остановившійся впрочемъ на изложеніи Законодательствъ только древнихъ народовъ. Изъ опытовъ, сдѣланныхъ съ различнымъ успѣхомъ, отдѣльно, надъ частными предметами и небольшими частями Права, особенно Гражданскаго, можно назвать извѣстное Гансово сочиненіе о наслѣдствѣ въ его всемірно-историческомъ развитіи.—Въ нѣкоторыхъ руководствахъ къ изученію отдѣльныхъ частей Права начинаютъ приводить сравнительно положенія важнѣйшихъ Законодательствъ, дѣйствующихъ въ другихъ государствахъ; на прим. Ярке, въ изложеніи Нѣмецк. Угол. Права, Миттермайеръ въ излож. Уголовнаго и Граждан. Правъ, Крицъ въ изложеніи разныхъ отдѣльныхъ статей Римскаго Права (Pandectenrecht). О такой сравнительной методѣ изученія Права, см. Basil. Znamensky, Diss. de philosophica juris civilis tractandi ratione, per comparationem jurium diversarum gentium instituenda. Petrop. 1835.

Правъ, въ одну систему составляетъ существенную потребность уже потому, что въ практическомъ ихъ употребленіи, въ приложеніи законовъ къ судопроизводству, необходимо непрестанно имѣть передъ глазами то и другое законодательство, въ ихъ взаимномъ отношеніи и соприкосновеніи. Какъ скоро представляется спорное гражданское дѣло, требующее разрѣшенія на законномъ основаніи, для обсужденія его необходимы слѣдующія соображенія: подлежитъ ли этотъ предметъ исключительно одному изъ двухъ Законодательствъ, или въ томъ и другомъ содержатся правила, къ нему относящіяся? Въ послѣднемъ случаѣ, сходны ли постановленія того и другаго Законодательства, или различны? Ежели сходны: это значитъ, что дѣло должно быть рѣшено по закону общему: ибо самое существо закона, особеннаго или частнаго, состоитъ въ томъ, что онъ содержитъ въ себѣ постановленіе, отличное отъ постановленія закона общаго, и въ извѣстныхъ предѣлахъ имѣющее силу, какъ изъятіе изъ закона общаго, который дѣйствуетъ въ случаяхъ сего рода внѣ этихъ предѣловъ. Ежели различны, то самое различіе должно быть опредѣлено съ такою точностію, чтобы можно было видѣть, въ какомъ отношеніи состоитъ постановленіе одного Законодательства къ правилу, въ другомъ содержащемуся, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ одно изъ нихъ устраняетъ приложеніе другаго, и гдѣ та черта, при переходѣ за которую это

устраненіе не должно имѣть мѣста. А такое опредѣленіе взаимнаго отношенія между постановленіями разныхъ Законодательствъ возможно только тогда, когда они будутъ приведены въ одну всеобъемлющую систему, подведены подъ одни основныя начала, изъ которыхъ вытекаютъ различныя положенія, дѣйствующія каждое въ своей сферѣ и за ея предѣлами уступающія другимъ мѣсто дѣйствія. Безъ соединенія частнаго Законодательства съ общимъ въ одну систему, они всегда будутъ оставаться чуждыми одно другому въ самомъ изученіи, и тѣмъ болѣе чуждыми, чѣмъ основательнѣе будетъ это изученіе. Такъ, углубляясь въ изученіе Права Римскаго въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для того, чтобы постигнуть истинный его духъ, дойти до основныхъ началъ, имъ управляющихъ и въ немъ дѣйствующихъ, уразумѣть точное значеніе каждаго особеннаго положенія, и въ теоретическомъ построеніи всей системы законодательства, и въ практическомъ приложеніи къ частнымъ случаямъ гражданской жизни, мы отрѣшаемся отъ всего насъ окружающаго, забываемъ настоящее, переносимся мысленно во времена древняго міра, поставляемъ себя во всенародномъ собраніи Римскихъ гражданъ, мыслимъ, какъ бы мыслилъ Римлянинъ въ данномъ случаѣ, разсуждаемъ, дѣйствуемъ вмѣстѣ съ Римлянами: все прочее для насъ чуждо. Но чтобы сдѣлать должное приложеніе какого-либо постановленія Римскаго Права, на прим. у

насъ въ Россіи, поколику оно могло бы здѣсь дѣйствовать въ соприкосновеніи съ общимъ Россійскимъ Законодательствомъ, не довольно только углубиться, сколь бы ни было далеко, въ область того Права, но надобно, оставивъ древній Римъ и Италію, возвратиться къ извѣстному мѣсту въ Россійскомъ государствѣ, надобно обращаться съ народомъ Русскимъ, вникнуть въ его бытъ и образъ мыслей, и постигнуть точный смыслъ и силу постановленія Законодательства Россійскаго о томъ же предметѣ; надобно сообразить оба постановленія одно съ другимъ и обозрѣть обстоятельства даннаго случая въ древней Римской и въ нынѣ цвѣтущей Россійской Имперіяхъ; словомъ, необходимо жить, мыслить и дѣйствовать юридически въ одно время, и въ древнемъ Римѣ, и въ настоящей Россіи; а это невозможно для Законовѣдца иначе какъ чрезъ соединеніе обоихъ дѣйствующихъ Законодательствъ въ одну систему (*). И одно совокупное изученіе Законодательствъ общаго и частнаго въ такой системѣ объяснитъ изучающему истинное отношеніе одного изъ нихъ къ другому, покажетъ черту, раздѣляющую область дѣйствія одного отъ области дѣйствія другаго, дастъ ближайшее руководство и для практи-

(*) Но возможно ли совокупленіе въ одну систему столь различныхъ Законодательствъ? Оно должно быть возможно въ теоріи тамъ, гдѣ совмѣстное ихъ употребленіе допускается въ практикѣ. Иначе, что же бы это была за практика!

ческаго примѣненія къ дѣламъ гражданскимъ правилъ одного Законодательства въ ихъ тѣснѣйшей связи и совокупности съ постановленіями другаго. А безъ такого руководства, что было бы съ судебною практикою? Всякій, имѣющій дѣло съ примѣненіемъ двухъ различныхъ Законодательствъ къ частнымъ спорнымъ случаямъ, былъ бы предоставленъ собственному, отъ другихъ отличному (индивидуальному) образу воззрѣнія на то и другое Законодательство и на ихъ взаимное отношеніе; и примѣненіе законовъ было бы совершенно зависимо отъ судейскаго произвола, а потому и различно въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ, не смотря на тождественность рѣшаемыхъ случаевъ. Нужно ли еще доказывать необходимость соединенія Законодательства частнаго съ общимъ въ одну систему и совокупнаго ихъ изученія? Если бъ это было нужно, я могъ бы указать на то, что одно сравнительное ихъ изложеніе и совокупное соображеніе историческаго развитія того и другаго даетъ намъ средства и научаетъ способу: оцѣнить по достоинству то и другое, усмотрѣть, въ чемъ они равны по добротѣ (каждое въ своемъ кругѣ дѣйствія) и въ чемъ одно превосходнѣе другаго; узнать, что̀ можно занять лучшаго и полезнаго изъ одного и усвоить другому, если это содѣйствуетъ общему и частному благу; примирить противорѣчія, встрѣчающіяся между положеніями того и другаго, поколику тѣмъ устраняются затрудненія въ гражданскихъ отношеніяхъ

частныхъ лицъ между собою и облегчается ихъ взаимное сообщеніе; могъ бы еще замѣтить, что количество положеній, сходныхъ между собою въ томъ и другомъ Законодательствѣ, по раскрытому мною общему духу Правъ новѣйшихъ, весьма значительно; что оно должно безпрестанно увеличиваться по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общаго Законодательства; могъ бы, наконецъ, присовокупить, что излагать такія положенія въ системѣ законовъ общихъ, какъ содержащіяся въ общемъ Законодательствѣ, и потомъ повторять ихъ въ изложеніи законовъ частныхъ, какъ особенныя положенія законодательства частнаго, была бы очевидная несообразность, заключающая въ себѣ признакъ несовершенства теоретическаго законовѣдѣнія; что избѣжаніе такихъ повтореній при отдѣльномъ изложеніи частнаго Законодательства лишило бы систему его полноты и округленности, придавъ ей видъ совокупности отрывковъ и такъ сказать обломковъ законодательнаго зданія; что устранить всѣ сіи неудобства можно только чрезъ соединеніе обоихъ законодательствъ, при изученіи Правъ, въ одну систему, основанную на однихъ общихъ началахъ высочайшаго Закона Вѣчной правды, дышащую равнымъ для всѣхъ подданныхъ въ государствѣ правосудіемъ и справедливостію.

Прямой путь къ достиженію сей возвышенной цѣли открыло намъ неусыпное въ своихъ попе-

ченіяхъ о благѣ подданныхъ Правительство, когда, вознамѣрившись привести въ ясность и извѣстность весь огромный составъ существующихъ узаконеній, и какъ бы возсоздать все Отечественное Законодательство чрезъ составленіе такихъ законныхъ книгъ, которыя могли бы равно служить основаніемъ и въ теоретическомъ изученіи законовъ, и въ практическомъ ихъ приложеніи къ производству дѣлъ судебныхъ,—оно не ограничило своей благотворной дѣятельности составленіемъ Общаго Свода Законовъ, дѣйствующихъ вообще во всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, но предположило вмѣстѣ съ тѣмъ соединить особенные законы, коихъ дѣйствіе допускается только въ нѣкоторыхъ областяхъ ея, въ Сводахъ особенныхъ, каковые и составляются для губерній Западныхъ и Остзейскихъ (*).

Можетъ быть, Россійской Имперіи, столь обширной, соединяющей въ себѣ столько народовъ на всѣхъ почти возможныхъ степеняхъ гражданскаго образованія, со столь многоразличными законодательствами, суждено въ теченіи вѣковъ образовать одно общее Законодательство, еще болѣе величественное, болѣе полное и объемлющее, болѣе развитое и усовершенствованное, болѣе при-

(*) См. Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ Законовъ. С. Петербургъ. 1833, стр. 111 и 112, 126 и 127.

ближающееся къ Божественному Закону Вѣчной Правды, нежели знаменитое Право Имперіи Римской. По крайней мѣрѣ начало XIX вѣка вообще, въ особенности же послѣднее истекшее десятилѣтіе, и настоящее образованіе народнаго просвѣщенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и преимущественно въ высшихъ, подаетъ намъ надежду, что, между прочими науками, и Отечественное Законовѣдѣніе, опираясь съ одной стороны на Отечественную Исторію, которая даетъ ему стихіи бытнаго начала, и руководясь, съ другой стороны, чистымъ ученіемъ здравой Философіи, пойдетъ быстрыми шагами по пути своего усовершенствованія и, приготовивъ просвѣщенныхъ блюстителей и исполнителей закона во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, облегчитъ чрезъ то и дальнѣйшіе успѣхи самаго Законодательства. Что наши ожиданія не тщетны, въ томъ убѣждаютъ насъ сладкіе плоды законодательной мудрости нашего правительства, которыми уже наслаждаемся въ безмятежномъ мирѣ и спокойствіи: ибо кто, имѣя очи, могъ бы не видѣть, кто, имѣя смыслъ и чувство, могъ бы не сознавать благотворнаго дѣйствія законовъ мудрыхъ, приспособленныхъ съ величайшею заботливостію и благоразуміемъ къ положенію страны и духу народа,—тамъ, гдѣ, по мановенію Самодержавнаго Монарха, новые грады возстаютъ изъ небытія и оживляютъ пустыни; гдѣ грады древніе воскресаютъ изъ полубытія къ бытію

совершеннѣйшему, къ дѣятельности, знаменующей присутствіе духа жизни въ обществѣ ихъ обитателей; гдѣ разные роды промышленности, торговля, искуства приближаются къ своему процвѣтанію, или уже красуются въ полномъ цвѣтѣ; гдѣ силы государственныя безпрестанно пріобрѣтаютъ новую крѣпость, не истощая источниковъ своего питанія, и дѣйствуютъ стройно, успѣшно, непреодолимо, ко благу народовъ безчисленныхъ; гдѣ рать воинская, не обременяя государства, вдыхаетъ страхъ и благоговѣніе въ сосѣдніе народы; гдѣ флотъ, возрастающій, можно сказать, не по годамъ, а по днямъ, возводитъ государство на высоту могущества и отличія между сильнѣйшими на морѣ державами; гдѣ въ то же время, какъ заслуженная слава вѣнчаетъ геройскіе подвиги на войнѣ, укрѣпляя въ сердцахъ храбрость и мужество, и болѣе кроткія качества, украшеніе мирнаго гражданскаго общества, насаждаются и укореняются; добрые нравы образуются воспитаніемъ не только общественнымъ, но и домашнимъ, подъ вліяніемъ надзора общественнаго: ибо самые мудрые законы мало произвели бы добрыхъ дѣйствій, безъ добрыхъ нравовъ въ народѣ; гдѣ многочисленныя учебныя заведенія ([1]), какъ звѣзды вновь просія-

---

([1]) По Отчету Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, за 1835 годъ, 440 Учебныхъ Заведеній вновь открыто въ одно

ваютъ на горизонтѣ Русскаго Просвѣщенія, и между сими звѣздами какъ нѣкое высшее свѣтило, здѣсь—въ той странѣ, гдѣ впервые возсіялъ для нашего Отечества свѣтъ истиннаго Богопознанія, возвышается этотъ храмъ наукъ, ознаменованный ублажаемымъ именемъ Государя славнаго, просвѣтителя Россіи, Св. Равноапостольнаго В. Кн. Владиміра!

Хвала и благодареніе Августѣйшему Виновнику всѣхъ благъ нами вкушаемыхъ, Тому, торый и въ мирномъ управленіи Государствомъ непрестанно являлъ неусыпную дѣятельность и какъ бы вездѣ присутствіе по мѣстамъ правительственнымъ и судебнымъ; и въ войнахъ, вновь прославившихъ имя Русское, самъ указалъ своимъ воинамъ пути, дотолѣ считавшіеся непроходимыми; и въ немногіе годы своего царствованія, уже ознаменовалъ свое имя рѣдкою въ Исторіи Государей славою мудраго Законодателя, удѣломъ немногихъ избранныхъ любимцевъ Неба; Тому, на которомъ, для благоденствія подданныхъ, почилъ духъ и безсмертнаго Преобразователя Рос-

десятилѣтіе благополучнаго царствованія Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. См. Журналъ Министер. Народн. Просвѣщ. 1836, Апрѣль, стр. CXXXII. Въ послѣдствіи времени число Учебныхъ Заведеній продолжало постоянно увеличиваться. См. Общіе Отчеты по Мин. Нар. Просв. за слѣд. годы, въ томъ же журналѣ.

сіи—Петра Великаго, и славной между вѣнценосными Главами своею законодательною мудростію Великой Екатерины, и кроткаго генія-хранителя Европы и Россіи—Благословеннаго Александра!